

Т
АНЦЫ
НА
ЦЕПЯХ

МИРОСЛАВА АДЪЯР

Мирослава Адьяр

Танцы на цепях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44866085

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда Май сбежала из дома, спасая жизнь от неизвестной напасти, она и подумать не могла, куда приведет кривая тропа. Девчонка с особой душой и телом оказывается во власти противостояния людей и одного очень своенравного и самоуверенного иномирского короля. Все вокруг твердят, что иномирцам верить нельзя. Но что делать, когда раз за разом незнакомец доказывает, что верить можно только ему?

Мирослава Адьяр

Танцы на цепях

Глава 1. Твой город горит

– Быстрее, Май, что ты там копаешься, как дубовый жук?!

Май вскинула голову и недовольно цыкнула, когда друг потянул ее за руку вперед.

– Зачем только из дома меня выдернул? – она уже успела пожалеть, что поддалась на уговоры Кирана и согласилась пройтись до пещеры, где ей должны были показать «что-то удивительное».

Оставалось молиться Первородной, чтобы «удивительное» действительно там оказалась, иначе не сносить Кирану головы!

Заправив за ухо непослушную белую прядь, что постоянно норовила упасть на глаза, Май карабкалась вверх по крутому склону и умоляла жаркий день перестать быть таким жарким.

Киран обиженно пыхтел и не оставлял попыток взять ее за руку, отчего становилось только невыносимее.

– Вот посмотришь, я тебе такое покажу! Ты еще благодарна мне будешь!

Конечно, будет! Если там, в странной и сказочной пещере, бьет холодный источник. В противном случае Май не могла

понять, на кой мрак было тянуть ее в такую даль, да еще и тайком.

Мелкие камешки поехали под ногами, Май припала на одно колено и взвизгнула от острой боли, пронзившей ногу до самого бедра. Осколок прорезал штанину и впился в кожу, а вниз к щиколотке уже текла плотная красная капля крови.

Вот тебе и прогулялись!

– Киран, давай вернемся!

– Еще чуть-чуть, потерпи немного.

Парень выглядел сконфуженным и расстроенным настолько, что Май все-таки мысленно дала ему последний шанс. В конце концов, она сама отказалась от помощи и не смотрела под ноги.

Если бы они не дружили с детства, то Май и не подумала бы забираться в такую даль от дома. Она вообще никому не доверяла – в их мире это просто опасно. Стоит только зазеваться и – хват! – ты уже болтаешься в пасти какого-нибудь здоровенного иномирца, теряешь тапочки и еще пару секунд слушаешь, как перемалываются твои кости.

Не хватало еще, чтобы матушка вернулась из города раньше времени – тогда скандала точно не миновать.

Май упрямо мотнула головой.

Она уже достаточно взрослая, чтобы принимать такие решения! Что с того, если она решила прогуляться с будущим женихом? Раз матушка считает, что восемнадцать лет – подходящий возраст для замужества, то он подходящий и для

совместных прогулок.

Парень обернулся и поймал ее взгляд, и от лихорадочного блеска серых, грозových глаз стало как-то не по себе.

Май знала Кирана всю жизнь и не могла сказать, что он – предел ее мечтаний, но и бежать от решения матушки было некуда.

Однажды та уже застала Май за подготовкой к побегу. Избила так, что кости трещали.

Приходя в себя и сплевывая кровь на доски пола в своей крохотной комнатушке, она усвоила горький урок.

Тут-то и пригодилась давняя дружба с Кираном. Парень жаждал свободы не меньше, чем сама Май, и был наслышан о тяжелом нраве госпожи Лемортан.

Сразу после свадебного ритуала они должны были покинуть Седые Предгорья и отправиться в столицу, на север.

Где их дороги бы разошлись.

Киран любил свободные развлечения, не обремененные ничем. Его семья вздохнула с облегчением, когда сын сообщил о желании остепениться, и Май даже было жаль, что это вранье, рано или поздно, разобьет им сердце. Киран не изменится. Уж она точно знает.

Май же хотела свободы и могла заполучить ее такой ценой.

Но зачем он потянул ее на эту гору?

– Смотри!

Киран ткнул пальцем куда-то вверх, и Май, приложив ру-

ку ко лбу козырьком, рассмотрела черный провал, напоминавший беззубый рот древней старухи. Стоило только подняться чуть выше, как в лицо ударило сыростью, полынным духом и подгнившей черникой.

Когда одну иномирянку выловили в озере неподалеку и перерезали ей горло, в округе еще три дня пахло гнилой ягодой. Будто вместо крови у русалок было испорченное варенье.

По спине побежал предательский холодок, а в груди скользкими змеями скрутилось дурное предчувствие.

– Киран, зачем мы здесь?

– Ты должна на это посмотреть!

Взгляд парня приобрел совсем уж нехороший блеск. В глубине зрачков полыхнуло алым, а губы искривились в недоброй, зловещей усмешке.

Стоило только открыть рот, чтобы возразить, как острая боль прошла висок, и Май плюхнулась в крошечный мрак, точно кто-то погасил день, накрыв мир черным колпаком.

У беспамятства вкус горькой мяты и соленой крови. Под веками взрывались звезды, разлетались в стороны кровавыми всполохами и, с трудом разлепив веки, Май, попыталась повернуть голову так, чтобы не пялиться на кучку камней, сваленных прямо перед лицом.

Кап!

Звук падающих капель ввинчивался в виски раскаленны-

ми иглами, а что-то горячее стекало по щеке.

– Киран! – вместо крика из горла вырывалось хриплое бульканье, – К-киран...

Пинок в живот оказался настолько неожиданным, что Май сдавленно охнула и закашлялась, сплюнула на пол вязкий горьковатый комок.

Попытка встать окончилась провалом – руки были так прочно скручены за спиной, что Май не чувствовала пальцы. Привалившись спиной к влажному камню, она подобрала ноги под себя и толкнулась вверх.

Раз. Второй.

На третий рывок удалось приподняться над землей на пару футов.

В спине – предательский хруст, ребра готовы были вывернуться наружу от напряжения, а колени вот-вот подогнуться, точно на спину свалили несколько мешков муки.

Вокруг темно, хоть глаз выколи.

Уже ночь? Или Киран затащил меня вглубь пещеры?

– Что ты делаешь?! Киран!

Молчание.

Кап!

Послышался звук шагов справа, едва уловимый скрип пыли под подошвами сапог, воздух пошел волнами, растекся в стороны, обнял плечи и забился в горло невидимыми клубками гнилой черники.

Киран не мог видеть в темноте!

Май рванулась в сторону, и над головой вспыхнул красный магический огонек. Он ширился, опалял нестерпимым жаром – на самой границе света маячили голодные черные тени, среди которых замер Киран.

Голову опустил, втянул в плечи, а руки мелко подрагивали, будто он играл на невидимом музыкальном инструменте.

По коже Май рассыпались холодные мурашки, спина взмокла от пота, а дыхание застряло в горле, потому что огонек выхватил и стену за его спиной.

Камень, пронизанный золотистыми прожилками: дрожащий, вибрирующий и постоянно меняющий цвет от охры до темно-бордового. Внутри что-то двигалось, скручивалось и рассматривало Май тысячей крохотных черных глаз. Она могла поклясться, что чувствует теплое дыхание на щеке, чье-то мимолетное прикосновение к волосам и плечу.

Золотые прожилки змеились по земле, огибали ноги Кирана и тянулись во мрак.

Будто камень истекал кровью.

Мальчишка запрокинул голову назад, и в Май уперся взгляд молочно-белых глаз, начисто лишенные зрачков и радужек.

Рот приоткрывается в немом крике, растянулся так, что кожа на щеках пошла резкими изломами-трещинами, разошлась в стороны, обнажив белую кость.

– Схватить ее! – прошелестело над головой.

Незнакомый голос заполнил собой всю пещеру, отразился

от стен и метнулся вглубь по коридору, которого Май сразу не заметила.

Бежать! Бежать сейчас же!

– Город уже горит, – забулькал Киран, а из уголка рта вниз тянулась вязкая нитка красно-черной слюны.

Она сорвалась с места, нырнула в темноту, в крепкие объятия непроницаемого мрака. Ноги скользили на камнях, а через секунду подломились, и Май проехала на коленях несколько невыносимых футов, сдирая кожу, оставляя на камнях собственную кровь.

Шелест незнакомого голоса и крик Кирана неслись следом, били в затылок раскаленными стальными снарядами.

Коридор оказался прямым, как палка. Через каких-то сто шагов нос защекотала свежесть ночного ветра, а вместо камня под подошвами сапог – редкая трава и пыль.

Золотые ручейки светились в темноте и тянулись вниз.

Туда, где был дом Май.

Клаудия нервничала.

Это всегда случалось, когда что-то шло не по плану, а в последнее время не по плану шло абсолютно все. Тихий шепот точно в сердцевине сознания безошибочно вел ее через неизвестные земли и тут, у тихого неприметного городка в Седых предгорьях, затих – не достучаться.

Паника сменялась холодной апатией, а через мгновение толкалась под грудью и ворочалась растревоженным зверем,

мешала сосредоточиться на пыльной иссушенной дороге, но Клаудия упрямо шагала вперед по узкой тропке, где не разминулись бы и две повозки.

В воздухе чувствовался запах близкого лета – жара не спадала, даже когда солнце нехотя закатывалось за горизонт, обливая мир раскаленной кровавой глазурью заката.

Что ни говори, а виды вокруг не вызывали интерес. Одинокие дома, обнесенные заборами, цветущие сады, неприступные жители, из которых даже за кружкой яблочного вина ничего не вытянешь. Все оберегали свои крохотные, ничемные тайны и не доверяли чужакам ни на крошку сцила. Посматривали хмуро из-под густых бровей, осеняли себя защитными знаками Первородной да отворачивались.

И этот запах в воздухе.

Так пахли необратимые перемены: плесенью и сладковатой терпкостью ужаса, повисшего в воздухе. Никто об этом не говорил, но Клаудия видела. О да, она все замечала!

Признаки распада и увядания были повсюду.

Монолитная стена Седых предгорий шла трещинами, мрак и мерзость вот-вот проникнут с той стороны, где когда-то его заперла Волчица. Оскверненная кровь Пожинающего, способная подтолкнуть весь крохотный мирок к полнейшему уничтожению.

Сколько тех, кто погиб от хвори так, и не успев ничего рассказать? Сколько еще запертый за высокими стенами люд смог бы прожить в Рагур'ен?

Несколько лет?

А может счет уже шел на месяцы?

И все, чего коснется кровь Пожинающего, обратится стеклом и тленом, как и сердце самого преданного бога.

Клаудия прислушалась, но голос так и не отозвался. Он замер в ожидании, а ведь ей сейчас, как никогда, нужен был совет! Где искать и куда идти?

Мог ли ключ к спасению родиться в этом убогом захолустье?

Могла ли Первородная ошибаться?

– Сомнения убивают разум.

Клаудия содрогнулась всем телом и порывисто прижала пальцы к вискам. Тонкие губы растянулись в радостной улыбке, а из груди вырвался вздох облегчения. Голос не оставил ее! Божественная благодать не покинула сердце и разум, только испытывала силу ее духа!

Стало невыносимо горько и стыдно за малодушие и сомнения, отчего захотелось немедленно упасть на колени и молить о прощении, только бы голос никогда-никогда не замолкал!

– Успокойся, Клаудия. Подходящее тело здесь.

Пришлось прикусить язык, чтобы не ляпнуть очевидный вопрос.

Откуда Первородная могла это знать? Ведь она спит в башне Беренганд, в столице.

– Какие глупости у тебя в голове!

Голос сочился насмешливым презрением. Так человек мог бы разговаривать с собакой.

– Мой разум свободен от оков плоти. Я везде и нигде, моя дорогая. И у меня множество глаз и ушей. Тело здесь, верь своей богине.

О, Клаудия верила! Кому еще можно верить, если не Первородной? Кто еще способен остановить болезнь, если не дочь самого Пожинающего?

Никаких сомнений! Никаких полумер.

Все, что остается – найти сосуд для великой души и привести его в столицу.

– Помни, Клаудия. Ты должна заполучить его любой ценой.

– Любой ценой... – повторила она, как эхо и шагнула по тропе к городу, что маячил в десятке миль впереди.

В комнате темно, как в склепе, но Ш'янт этому мраку был рад. Он сливался с резкими изломами теней – мог представлять себя их частью, чем-то целостным, полным и настоящим, а не просто обрывком дыма и клубком зыбких линий.

Весь его облик шел мелкой рябью, как озеро в ветренный день. Лучи заката прошивали неподвижную фигуру насквозь и красноватыми лужами растекались по дощатому полу.

Если бы он мог спать, то непременно мучился бы кошмарами, а Беренганд бы поглощал их, подпитывая свои силы.

В такой близости от башни, Ш'янт не мог не почувство-

вать ее нетерпение. Невидимая пасть медленно раскрылась, маслянисто-черный левиафан задрожал, застонал, точно живой, и чуть качнулся, вытягиваясь на юг. Ни один смертный не заметил бы этого движения, легкой дрожи, пробежавшей по гладким камням, но иномирский народ видел.

Под толщей камня билось сердце спящей королевы. И пульс заметно участился с прошлой ночи. Она замерла в предвкушении.

За спиной медленно двигалась знакомая тень. Даже лишенный тела, он чувствовал обманчиво мягкие вибрации, волнами расходящиеся от Артумиранс. Сила kloкотала в ней, укрытая под хрупкой оболочкой из плоти и костей.

Обернувшись, Ш'янт поймал насмешливый взгляд.

Предсказательницу забавляло его положение, нравилась беспомощность и нетерпение, спрятанное под бесстрастной маской. Взгляд скользил по черным волосам, бледному лицу, лентам, затянувшими тело от горла до пояса, блестящим когтям перчаток.

Скользил раздражающе медленно.

Все это нереально, Ш'янт бы даже не смог ее оцарапать, но старался сохранять облик, а не летать по комнате темным облаком. И это веселило Артумиранс еще больше.

Рассвет выхватил привычные изгибы девичьей фигуры. Предсказательница всегда напоминала ему подростка. Алый луч хлестнул ее по лицу, выхватив из мрака глаза, полные жидкого огня. Пока что спокойного, тлеющего, точно угли

догорающего костра. Смертные, заглянувшие в них, сгорали, будто падающие звезды. Совершенно белые волосы разметались по плечам и извивались подобно змеям.

– Она здесь, Ш’янт. Она пришла.

– Давно пора, – недовольно ворчание совсем не смутило провидицу.

Аргумиранс широко улыбнулась, прищурилась, как сытая кошка и невзначай махнула рукой по его лицу, накручивая на палец дымный завиток распавшегося облика.

– Терпение – добродетель, иномирец.

Май остановилась, только когда до дома оставалось всего несколько шагов. Уперлась руками в колени и судорожно глотала воздух до боли в легких, до кровавых кругов перед глазами. Влажная от пота рубашка липла к телу, а стоило пройтись языком по губам, как во рту становилось противно солоно. Крохотный дом, где Май прожила всю свою жизнь, прятался среди тяжелых шапок цветущей сирени, в глубине сада.

Прищурившись, она не заметила в окнах привычных отблесков, и вообще вокруг было как-то совсем уж тихо и жутко. Ни единого порыва ветра, даже трава под ногами не шевелилась. В воздухе повис тяжелый цветочный дух, густо перемешанный с запахом нагретой коры и пыли. Солнце давно закатилось за Седые предгорья: вот-вот догорят последние угольки, и мир погрузится в непроницаемый ночной мрак.

Глубоко вздохнув, Май бросила взгляд через плечо, но ничего не увидела. Киран не преследовал ее, не пытался схватить. Можно было подумать, что все это – просто видение, вызванное ударом по голове. В висках болезненно пульсировало, кожу стянула засохшая кровь.

Может и не было ничего? Вдруг это все галлюцинация?

Солнце голову напекло. Такое ведь случается, правда? Сплошь и рядом! Вон какая жарища стоит в последние дни: совсем не весенняя.

Май отключилась, упала и ударилась головой. Могло так быть?

А Киран струсил да сбежал, бросив у пещеры. Испугался, не знал, что делать.

Цыкнув, она тряхнула головой, отбрасывая со лба влажные пряди, и зашагала в сторону дома. Рука сама потянулась к высокой, увитой плющом калитке, нащупала задвижку и дернула в сторону, открывая вход. Май могла ходить по садовым тропинкам с закрытыми глазами – знала их все. Сквозь тонкую подошву ощущался каждый шов в каменной кладке, а мелкий песок, что приносил ветер из дальних уголков сада, тихо похрустывал.

Как косточки маленьких птиц...

Машинально облизнув губы, Май ускорила шаг. От запаха цветов кружилась голова, а дневная духота еще не скоро сменится прохладой.

У самого крыльца она остановилась и прислушалась.

Ничего.

Матушка вечерами возилась на кухне, окна всегда были открыты, горели свечи, а сейчас двухэтажное здание стояло темным.

Мертвым.

Осторожные шаги к входной двери нарушали тишину, отчего становилось только страшнее. Матушка должна была выйти навстречу, спросить, где Май Пожинающий носил, накричать, отправить в комнату и припоминать ей эту оплошность всю следующую неделю.

Ничего. Не скрипело крыльцо, не загорался свет.

Май протянула руку к тяжелой люзовой ручке и повернула ее. Даже дыхание затаила, только бы не привлечь лишнего внимания. По спине струился холодный пот, а в горле пересохло так, что вся влага мира не могла бы это исправить.

Дверь тихо качнулась внутрь, открывая голодный черный зев притихшего дома.

Осторожный шаг. Треск под ногой, да такой оглушительный, будто кто-то пальнул из пистолета.

Проклятье, ни зги же не видно!

Май пошарила слева за дверью и нащупала простенький фонарь с крохотной люзовой пластинкой внутри. Стоило только стукнуть по ней несколько раз, как пластинка завибрировала, распространяя вокруг теплый, желтоватый свет. Его едва хватило, чтобы выхватить из темноты краешек лестницы на второй этаж, провал двери, ведущей на кухню,

и часть прихожей.

Бросив взгляд под ноги, Май оторопело моргнула и, отступив назад, с размаху врезалась в дверной косяк. От острой боли в лопатке воздух со свистом вырвался из легких. Его не хватило даже на задушенный писк, что уж говорить о полноценном крике.

Зажав рот рукой, она медленно осела на пол и зажмурилась из последних сил, будто пыталась отогнать навязчивое видение.

Это все не на самом деле!

Не на самом деле!

От порога вперед тянулась широкая золотая полоса. Точно такая же, какая была возле пещеры, только это золото выглядело застывшим и хрупким.

Казалось, что можно протянуть руку и отколоть кусочек, но Май не прикоснулась бы к этой дряни и десятифутовой палкой.

В трех футах от двери, в совершенно неестественной позе, на полу застыла матушка.

Руки были раскинуты в стороны, а ногти так глубоко вошли в отполированные временем и обувью доски, что пальцы покрылись тонкой корочкой запекшейся крови.

Она почти сорвала их. Будто ноги отказали, и все, что оставалось – это ползти прочь от неведомой жуткой угрозы, даже если для этого ей приходилось оставлять на полу частицы плоти и крови.

Шея была неестественно вывернута, сломана, и кожу чуть ниже затылка прорвали позвонки, вызываяще белея в свете лампы.

Кто-то или что-то решило прекратить агонию жертвы одним быстрым движением.

Во рту стало кисло от подкатившей тошноты, пелена слез застлала глаза, но все, что Май могла себе позволить – тихие всхлипывания, ведь некто мог все еще быть в доме.

Охотиться. Вынюхивать. Выискивать.

Что, если я застыла всего в шаге от ловушки, что вот-вот захлопнется?

Одна эта мысль холодным липким комком разрасталась в груди, раскрывалась ядовитым цветком, отравляла кровь губительным ядом паники. Май всхлипнула и медленно выпрямилась, отлепилась от двери и бросила быстрый взгляд в сторону кухни.

О том, чтобы подняться в свою комнату, не могло быть и речи. Если убийца не ушел, то почему бы ему не ждать там?

Но он не убрал тело...

Кто так делает, если хочет заманить жертву дальше в дом? Да и следы крови и золотой дряни повсюду! Я бы все равно заметила.

Догадка подкралась неожиданно и ударила в висок раскаленной кочергой.

Может и Киран выманил меня не просто так? Увел подалее от дома, гадости этой желтой дал растечься, вырубил,

да бросил. Только руки связал, но веревка-то дрянная попала – порвалась о первый же острый камень, что на дороге валялся.

– Во имя Пожинающего, она же безобидная женщина, – пробормотала Май. – Зачем ее убивать? Зачем выманить меня, зачем ловить? И что Киран, во имя всего святого, выпустил из пещеры?! И зачем?

Голова вибрировала от вопросов, хотелось сорваться с места и бежать, куда глаза глядят!

Город! У матушки там есть знакомые, уж они-то не бросят в беде!

Вот только бы добраться...

Май нехотя посмотрела на изувеченное тело, и ей показалось, что матушка шевельнулась. Может это была всего лишь игра света и тени, искажение, вызванное усталостью и напряжением, но Май могла поклясться, что глаза матушки были прикрыты всего мгновение назад и смотрели в стену напротив кухни.

Сейчас же они разглядывали ее. Белки и радужку заволокло золотом, ресницы слиплись от крови, скопившейся в уголках.

«Точно сломанная фарфоровая кукла», – подумала Май. Там, где золото касалось кожи, она больше напоминала стекло и крошилась, оседая на пол желтоватой пылью.

Рот был раскрыт так широко, что губы в уголках треснули и разошлись, а на щеках были видны золотистые разводы...

Что-то проникло в нее?

Или вырвалось наружу...?

Клаудия миновала город без происшествий. Прошла его насквозь, как стрела прошивает мягкую человеческую плоть, ни разу не задержавшись и не сбившись с пути. Чувствовала нутром каждый изгиб дороги, каждый правильный поворот. Ни лавки, ни яркие огни в окнах домов не привлекали ее внимание. Только запахи сильно тревожили – Клаудия всегда была чувствительна к вони каменных улиц, где прогорклый жир мешался с привкусом крыжовника, жареного мяса и яблочного меда, а во все это буйство вклинивались дух ржавчины, огня и человеческих тел.

В родной жаркой пустыне запахов не существовало. Выхолощенный раскаленный мир, но Клаудия искренне любила его за чистоту и понятность. Песок мог пахнуть, только если кто-то отдал ему свою кровь. Ветер приносил в невидимых руках сухой жар и привкус горькой акритты – дурмана странствий.

Здесь все было не так.

Сложно. Непонятно. Стремительно. Кто-то постоянно куда-то торопился, стучал каблуками по мощеным дорогам, галдел, спорил, бежал, слишком громко шуршал многослойной одеждой. И эти бесконечные пятна крикливых цветов. Густая зелень деревьев резала глаза, и даже тусклая серость Седых предгорий казалась слишком яркой, непривычной и

чужой.

В голове заворчалась инородная тяжесть, и Клаудия вся подобралась, приготовившись слушать новые указания. Чем дальше она отходила по тропе от города, тем беспокойнее становился голос Первородной: к повелительным ноткам примешалась совершенно не свойственная богине истеричность и нажим. Как нетерпеливый ребенок она гнала Клаудию вперед, и даже наступление ночи не было помехой для богини.

– Вы чувствуете тело, госпожа?

– И не только его.

Голос Первородной подрагивал от нетерпения, но в нем легко угадывались и нотки страха. Древнего, подсознательного ужаса, какой любой человек мог испытывать перед неизведанным, чудовищным, колоссальным «нечто», что осталось жить лишь в старинных легендах, поросших плесенью фолиантах и песнях менестрелей.

Клаудия же почувствовала угрозу намного позже: когда, сбив ноги до кровавых мозолей, добралась-таки до одиноко стоящего дома, окружённого невысоким забором. В воздухе невозможно густо пахло сиренью и еще сильнее – смертью. Кто-то распрощался с жизнью среди буйного весеннего цветения, и от этой мысли Клаудии почему-то стало немного грустно.

«Самые страшные вещи происходят весной, – подумала она. – Когда мир сбрасывает оковы зимней стужи, он заодно

открывает оттаявшие двери для чего-то ужасного».

Калитка была распахнута настежь, а входная дверь в дом покачивалась от слабого ветра и поскрипывала плохо смазанными петлями.

– Здесь, – пробормотала Первородная, а Клаудия, не задумываясь, отстегнула от пояса клинок.

Прислушалась.

Ничего подозрительного. Вообще ничего.

Даже ночные птахи умолкли, точно кто-то разом свернул им шеи. Ни сверчков, ни шуршания ящериц в траве, ни один мотылёк мимо не пролетел.

У тропинки Клаудия заметила золотистые разводы, а каждый уголок сознания затопило тихое шипение богини. Она металась по черепной коробке загнанной кошкой, мешала сосредоточиться, что-то бормотала, и казалось, что стой она рядом, то непременно расхаживала бы из угла в угол сада и заламывала руки, вытаптывая густые заросли пионов.

– Не прикасайся! – взвизгнула богиня, стоило Клаудии склониться над следом. – Проклятье! Я думала, что еще есть время. Как же так? Все напрасно? Если тело не подготовить, оно сгорит при первой же попытке вселиться! А новое может не появиться еще тысячу лет!

– Госпожа...

– Тихо! Быстрее, не стой столбом! Нужно обыскать дом.

Болезненная вибрация разошлась по телу, и Клаудия сдавленно охнула. Виски стянуло жарким обручем, и слепящая,

разъедающая боль прокатилась от основания шеи до самой поясницы, вынуждая сделать шаг вперед.

Он показался бесконечно долгим, слишком медленным и болезненным. Точно кто-то воткнул под кожу на бедре несколько раскаленных иголок. От напряжения чуть не подломилось колено и, глухо выругавшись, Клаудия перехватила клинок удобнее, чтобы нанести удар при первой же опасности. Серые одежды, ранее не стеснявшие движений, теперь превратились во влажный тугой панцирь, мешавший даже слабому вздоху.

Первая жуткая находка не заставила себя ждать.

Клаудия привыкла к виду смерти. В пустыне умирали многие. Неосторожные странники, забывшие о запасах воды, искатели приключений, что находили в древних городах только разруху и гибель под очередным песчаным оползнем. Сколько дураков полегло под палящим солнцем восточного стигая – не сосчитать. Но их смерть была... чистой.

Среди песков почти не было хищников достаточно крупных, чтобы убить человека. Ящерики да насекомые, небольшие грызуны и сухошавые падальщики, прятавшиеся в глубоких норах в центре и по окраинам стигая. Разве что иногда небо расчерчивали черными крыльями трупоеды-схади, но обычно они гнездились у дальних рубежей, возле защитной стены.

Самым крупным местным жителем считался человек, но даже у него не было такой силы, чтобы сотворить с телом

подобное.

Изуродованная женщина намертво впечаталась в память Клаудии, и в ее голове плясало только одно объяснение: неподалеку появился иномирец.

Какой-нибудь дикий, неуправляемый хищник, случайно провалившийся в разрыв между мирами и очутившийся в опасной близости от людского жилья.

– Это мог быть и обычный человек. Кровь Пожинающего его осквернила, – в голосе прорезалось злое нетерпение. – Быстрее! У нас мало времени... – дальше тихое бормотание было почти не разобрать. – Как далеко оно...или все еще здесь? Ох, Пожинающий...

Осторожно ступая, Клаудия поднялась на второй этаж.

Ничего подозрительного, даже доски под ногами не скрипели, а воздух загустел, точно в преддверии бури. Справа и слева от лестницы – двери в жилые комнаты. Одна была закрыта, а та, что справа – распахнута настежь. Стоило приглядеться, как Клаудия поняла, что дверь висит на одной петле и только чудом еще не рухнула под собственным весом. За порогом – крошечный мрак, хоть ножом нарежай.

– Потеснись, – проворчала богиня и сдвинула сознание Клаудии в сторону, впечатала в уголок черепной коробки и самостоятельно направила податливое тело вперед, к комнате. Зрение исказилось, все вокруг залил неестественный серовато-зеленый свет, как если бы Клаудия смотрела на солнце через донце винной бутылки.

Четко проступили линии стен, кровати, крохотной тумбочки и скошенной крыши. Едва уловимый ветерок колыхал занавески на оконце под самым потолком.

«Кто вообще мог жить в подобной конуре? Тут и для собаки места маловато» – удивилась Клаудия.

А через секунду слова пропали, как и мысли, смытые бурным потоком страха и отвращения госпожи.

Точно в центре комнатухи, свитый из золота и черноты, над полом завис плотный кокон. И внутри него угадывалось движение.

Земля под ногами была вымощена белым камнем, таким же гладким, как внутренность раковины. Перламутровые прожилки сплетались в причудливые узоры.

Древние письма неизвестного народа, давно покинувшего этот мир.

Мысль показалась Май неожиданной, но не лишенной смысла.

В центре совершенной белизны, молочным пятном растекавшейся не только по земле, но и во все стороны до самого неба, угольной стрелой ввысь тянулась спиралевидная башня. Вокруг не было привычного света, но черная поверхность поблескивала, точно кожа древнего монстра, только что вынырнувшего из глубин странного потустороннего моря, не принадлежавшего ни одной известной реальности. У башни не было окон, через которые хоть одним глазком мож-

но посмотреть, что творится внутри.

Не было и дверей. Внутри никак не попасть.

Черный монолит возвышался над совершенно пустым миром и слепо смотрел на Май, замершую у основания, будто испуганный зверек, затаившийся в надежде, что голодный хищник не заметит его. Верхушка раскололась на три части, раздалась в стороны, словно колоссальный цветок открылся навстречу первым солнечным лучам. Вот только лепестки его были усеяны зубами, а в сердцевине поблескивала влажная красная мякоть глотки.

Май чувствовала, как чей-то взгляд сверлит ей затылок, но не могла оторвать глаз от черного колосса, заслонившего собой реальность. Башня словно наклонилась к ней, желая рассмотреть добычу. Тысячи тысяч глаз скользили жадными взглядами по хрупкой фигуре.

– Она чувствует тебя, госпожа, – мягкий низкий голос проник под кожу и холодной волной прокатился по позвоночнику, во рту стало сладко, как если бы на языке растаял кусочек затвердевшего меда, – иномирская кровь не тронула разум.

– Но могла тронуть тело, дура! – второй голос не был таким спокойным. В нем сквозили десятки чувств – от ненависти до горечи поражения.

– Я всего лишь сплю, – пробормотала Май. Голос хрустнул и превратился в шепот, – это все не настоящее!

Черная спиралевидная махина разбухла, как спелый плод,

растеклась, превратившись в смоляную вязкую жижу. Она обволакивала Май, пробиралась под кожу, проникала в поры, забивала рот и нос, застилала глаза липкой горячей пеленой.

– Дыши, мрак тебя подери! – рявкнул голос, отчего по позвоночнику прошла крупная дрожь.

Тьма накатила, укрыв с головой. Она казался абсолютной, безбрежной, бушующим морем, способным вытряхнуть все, что делало Май человеком. Все воспоминания расслоились и рассыпались пылью, оставив голову совершенно пустой. Где-то на границе видимости мелькнул свет. Крохотная белая мушка, не способная сражаться с навалившейся тяжестью, но разгоравшаяся с каждой секундой. Вот крохотный светлячок стал размером с мяч и продолжал расти, медленно двигаясь вперед.

Подняв руку, Май ощущала, насколько загустел воздух вокруг, превратившись в патоку, но свет этого не замечал и коснулся дрожащих пальцев. Болезненный разряд прошел от пяток до затылка, и мир окончательно померк, выталкивая Май в привычную реальность, где вот-вот должно было взойти солнце.

Глава 2. Свет новой звезды

Ш'янт молча рассматривал зарисовки Артумиранс.

Она делала их постоянно, в одно и то же время, стоило только полоске рассвета показаться на горизонте. Сегодня

рука девушки заметно дрожала, что делало простые наброски едва узнаваемыми, грубыми и жесткими, точно иномирная впервые взялась за перо. На кончике повисла капля красных чернил.

Комната была крохотной и темной, как и все на окраине столицы. Под ногами поскрипывали половицы, к дальней стене прижалась узкая койка, на которой едва ли мог уместиться взрослый человек. Под потолком висели пучки сушеных трав.

Артумиранс не готовила зелий и не лечила. Просто собирала растения ради развлечения и запаха, обволакивавшего Ш'янта плотным невидимым покрывалом.

Единственное небольшое окошко выходило в узкий переулок, где почти никогда никто не ходил.

У любого города существовали свои темные пятна: отравленная и прогнившая земля, занятая теми, кто яда не боялся. Триста лет назад Ш'янт бы расхохотался в лицо тому, кто осмелится предречь ему жизнь в лачуге, среди изгнанников и отребья.

Сейчас же он мог лишь с ненавистью наблюдать через мутное стекло, как рассвет вычерчивает на башне Беренганд замысловатые узоры, и посылать проклятья на голову спящей там Первородной.

Кто бы мог подумать, что в женщине скрывается такая сила?!

С другой стороны, почему он не подумал об этом? В кон-

це концов, она – дочь Пожинающего. Бросился в бой, даже затормозить не удосужился.

Их встреча окончилась почти ничьей, но королева продолжала управлять людьми даже из своей усыпальницы, а сам Ш'янт оказался на отшибе жизни: почти уничтоженный, раздробленный. Призрак.

Едва заметная тень.

Первородная оказалась благородна, но Ш'янт в подобном благородстве улавливал какую-то извращенную издевку. Даже заснув вечным сном, королева держала когтистую лапу на шее каждого, кто жил в «Ручьях».

Артумиранс дрогнула, и на листе расплылась внушительная клякса.

– Выбросишь? – спросил Ш'янт.

– Книгу нельзя править, – спокойно ответила она и сделала еще один разрез на руке. По тонкому белоснежному запястью потекли алые «чернила». То единственное, чем могла писать Артумиранс, по кусочкам складывая труд всей жизни, – у крохотной звездочки впереди долгая дорога. Как жаль, что нашлась она так поздно.

– Почему? Что-то мешало? – Ш'янт по привычке принялся расхаживать из угла в угол, отчего комната казалась еще меньше.

– Ты не дурак, догадайся сам, – пожала плечами Артумиранс, – Я делаю ставку на Первородную. Она не вмешивалась в дела реального мира, ее пристанище – Изнанка, но у коро-

левы могут быть слуги. Звездочка важна. Ее тело – превосходящий сосуд. Если, конечно, правильно его подготовить. А Первородная очень, очень хочет жить. И не забывай о Клаудии. Фанатичная и беспринципная стерва.

Артумиранс вогнала нож в крышку стола. На ее лице не дрогнул ни единый мускул, только глаза вспыхнули глубокой затаенной яростью.

– Не думал, что она расшифрует твои записи, – хмыкнул Ш'янт, – мне казалось, что на нашем наречии никто не говорит!

– От энкулитов в Рагур'ен осталось многое. И иномирцы намеренно тянут в этот мир что-то личное. Книги, знания, дневники, – Артумиранс пожала плечами, – для человека целеустремленного наше наречие – не препятствие.

Обмакнув перо в кровь, она вывела новую строку. Ровную, витиеватую запись. Была ли она о прошлом или о будущем? Или несла в себе отпечаток «здесь и сейчас»?

Еще никогда Ш'янт не чувствовал себя таким беспомощным. Таким отрезанным от реальности. Всего несколько лет прошло с того момента, как предсказательница собрала его по частям. Выловила обрывки души из крошечного мрака и вернула в реальный мир, где все кардинально изменилось.

Иномирцы в столице существовали только потому, что таково было повеление Первой королевы. За пределами же северного стигая на них шла безжалостная охота. Люди давно и активно использовали люоз в войне против «иномирских

тварей».

Использовали успешно, вырезая небольшие поселения и одиночек, случайно попавших в ловушку.

Не трогали только «гигантов», вроде Рогвы и Къерайта.

Потому что все понимали, что в открытом бою у людишек нет шансов, даже с люзовым оружием.

Столько всего случилось за триста лет! Будто целая жизнь упущена, и нет возможности все наверстать.

Без физического воплощения Ш'янт – хищник без когтей, вор без отмычек. И с этим он мирился так долго, что начал забывать, каково это: сжимать в кулаке что-то кроме воздуха.

– Звездочка прибудет сюда через неделю, – рассеяно про-
бормотала Артумиранс.

– Сюда? В столицу?

– Ты же не глухой. Я так и сказала.

– Какое чудесное совпадение, – протянул Ш'янт, – есть у меня идея, как организовать нашу встречу.

– Только тебе придется поговорить с Граци, – голос Ар-
тумиранс сочился злорадством.

Маленькая самоуверенная дрянь.

Ш'янт обреченно отмахнулся и шагнул к двери. Он всегда это делал по старой привычке, хотя мог пройти сквозь что угодно и сразу оказаться на улице. Иномирцу не хотелось терять в мелочах, забывать, что когда-нибудь ему придется и правда выходить через дверь.

Если он отнимет у Клаудии ее маленькое сокровище.

Квартал «Ручьи».

Зловонная выбоина в каменном теле совершенства, черное пятнышко ржавчины на доспехах, треснувшая стекляшка в дорогом ожерелье. Сравнений можно было привести бесчисленное множество, но что не скажи, а «Ручьи» останутся «Ручьями».

Узкие улочки, вымощенные желтоватым камнем из восточного стигая. Прилепленные друг к другу дома, сложенные из простых серых глыб, утрамбованные так плотно, что рыба в бочке бы позавидовала. Первые этажи – крохотные магазины, пропахшие дымом, травами и сталью.

Часть квартала была занята теплицами и фермами, для разведения мелкой живности.

Можно было сказать, что этот мирок самостоятелен. Торговля с людьми почти не велась. Остались, конечно, те, кто готов был снабжать пришлых всем, что необходимо, а иномирцы не скупилась в награде. Все довольны.

Некоторые в «Ручьях» были первоклассными врачами, кто-то умел обращаться с магическими формулами. Даже в изоляции все оставались при деле.

Город внутри города был предоставлен сам себе.

Сюда иномирское племя согнали после войны. Без особых усилий, ведь предводитель оказался повержен и лишен телесного воплощения. Что ни говори, а большинство ино-

мирцев – мирный народ. Они просто случайно оказались не там, где следовало.

Вот идешь ты такой по чистому полю, и тут – бах! – провал и неизвестность, чужой мир, непонятный язык и вместо радушного приема – острое люзового клинка под ребра.

Никто не был застрахован от подобного.

Ш'янт рассматривал последствия собственных ошибок. Прячась в тених, он наблюдал и ловил обрывки разговоров. Кто-то из местных уже пронюхал, что особняк Следа выкупили, а значит, быть беде. Тут и там, по углам, обсуждали возможные чистки и облавы. Но были и те, кто считал новый След выдумкой.

Работа Клаудии, не иначе. Она, как и Первородная, любила играть с древними легендами.

Особняк все еще стоял пустым, но Ш'янт теперь точно знал – единственный шанс на физическое воплощение скоро приедет туда.

Интересно, какая она? Его крохотная путеводная звезда, его лучик надежды.

Иномирцу казалось, что прошла целая вечность с того момента, как Артумиранс сообщила невероятное. Мысль о том, что он сможет стать прежним – нужно только набраться терпения – была всепоглощающей.

Правда, Ш'янт понимал, что Клаудия притащит Звезду для личных целей, и не хотел даже думать, что случится, если его единственная надежда окажется в лапах богини.

Она не получит ничего! И видит Пожинающий, я буду биться до последней капли крови, чтобы эта сука уснула на веки вечные.

В груди иномирца заклокотал гнев. Непреодолимая испепеляющая ярость наполнила вены, ворвалась в сердце и пронеслась раскаленным потоком от затылка до самых пяток.

Клаудия. Цепная сучка Первородной. Как она узнала, куда идти? Артумиранс выискивала Звезду неделями, отслеживала, просчитывала вероятности и строила догадки. Она не могла ее видеть, хотя это и казалось полнейшим абсурдом. Девчонка, как белое пятно, постоянно выпадала из поля зрения иномирянки, ускользала, как могла ускользнуть только тень в жаркий полдень. Утекала песчинкой сквозь пальцы провидицы.

Может, Артумиранс права? Первородная, каким-то невероятным образом влияла на ее зрение.

А Клаудия, как никто другой, подходила на роль преданного слуги, готового ради богини сожрать собственные ботинки.

Нахмурившись, Ш'янт бросил взгляд на башню. Ему казалось, что он слышит хриплый смех Первородной, а ее невидимая рука указывает на него, как на прокаженного.

«Не видать тебе тела, как своих ушей! – кричит она, раскинувшись на каменном постаменте, как на ложе, – в этой битве не быть тебе победителем, пришлое отродье!»

– Посмотрим, – пробормотал Ш'янт, – в прошлый раз ты

так же самоуверенно смеялась.

Когда Ш'янт прошел сквозь стену в кабинете Граци, тот от неожиданности отшатнулся и зацепился за край ковра. Рассерженно зашипев, иномирец спонтанно загорелся и поджег рядом с собой внушительную стопку документов.

– Чтоб тебя собаки в подворотне драли, Зима! – вскипел Граци и усилием воли заставил пламя исчезнуть. В комнате повис тяжелый запах паленой древесины. Как только змей распахнул окно, в воздух взметнулись частички пепла.

Ш'янт не мог сдержать усмешку, хотя ситуация совершенно не располагала: от его поведения зависел успех плана, а злить змея было чревато отказом.

Граци что-то проворчал под нос и нервно пригладил густые темные волосы.

Он напоминал пирата, сошедшего со страниц потрепанной книги. Смуглый и остроскулый, нос с горбинкой, тонкие губы, бородка клинышком. Смоляные волосы в вечном беспорядке – настоящая грива, перехваченная на затылке кожаным ремешком. Взгляд всегда настороженный. Будь один глаз прикрыт кожаной заплаткой, и сходство оказалось бы полным.

Ш'янт искренне не понимал, зачем Граци оставался в своем истинном облике и не использовал способности отца. Тот спокойно превращался в человека и ходил среди людей, что сыграло не последнюю роль в отношениях со смертной жен-

щиной. Граци же упорно не хотел менять хвост на пару ног. Брезговал? Мрак его разберет.

На столе вспыхнула еще одна бумажка. Ш'янт заморожено наблюдал, как огонек скользнул по крепкой руке змея и скрылся в ладони, не причинив ему вреда. Если бы Граци захотел, то мог бы спалить всю столицу.

В этом змееныше было немерено магической дури.

Поправив шелковую рубаху, стянутую на поясе широким черным ремнем, Граци бросил на Ш'янта неодобрительный взгляд. На лице читалось горькое разочарование, ведь навредить бесплотному существу невозможно, а очень хотелось.

Ниже пояса кольцами скручивалось змеиное тело, отблескивавшее в свете настольной лампы угольной чернотой. Вдоль лоснящихся боков тянулись две алые полосы. Кончик хвоста нетерпеливо выстукивал странный ритм.

Скрестив руки на мощной груди, Граци оперся о стол. Дубовая столешница жалобно закрипела под внушительным весом.

Кабинет был роскошным и светлым, занимал весь второй этаж старого особняка в центре «Ручьев». Змей любил простор и терпкий запах сирени, громоздившейся в вазах повсюду, даже занимая некоторые книжные полки.

Сделав во время войны целое состояние на ядах и оружии, он теперь заправлял всеми делами в квартале, контролируя каждую мелочь, каждого воришку, попрошайку или убийцу.

«Без Граци «Ручьи» стали бы куда безопаснее» – так мог-

ли сказать многие.

«Но и куда скучнее» – парировал бы Ш'янт. Змей был на своем месте. Только благодаря ему, иномирцы не голодали и не перегрызли друг другу глотки.

– Что тебе надо, Зима? Уж не решил ли ты просто навещать старого друга?

Уголки губ Граци приподнялись, обнажив белоснежные клыки. При желании он мог перекусить человеку шею. Ш'янт не раз видел, как жуткая пасть, умело замаскированная под человеческий рот, раскрывалась на всю ширину, чтобы полакомиться добычей. Граци частенько бывал за стенами «Ручьев»: под покровом ночи проникал в бедные кварталы, где людей никогда бы не стали искать, а иногда смелел настолько, что закусывал стражниками, торговцами или приезжими. «Разминался», как любил шутить змей.

Никто не мог похвастаться такими возможностями. Стены вокруг квартала – не просто камень, дерево и клей. В них было вложено куда больше. Каждый шов был окроплен кровью Первородной. Настоящая тюрьма для потусторонних созданий, но держала она не всех. Всегда есть исключения, и Ш'янту хотелось оказаться в их числе. Хотя бы на день.

Граци родился уже здесь, в мире людей, а рождение на людской земле несло свой отпечаток: кровь Первородной не «видела» его. На нем не было клейма пришлого, закрывшего выход из квартала для всех остальных.

– Мне нужно выйти за стену, – сказал Ш'янт, не отводя

глаз.

– Так иди, – пожал плечами змей, – раз ты так спокойно вламываешься в мой дом, то что для тебя какая-то стена?

Хищная улыбка прямо-таки сочилась издевкой, хотя в ней невозможно было не заметить крохотный огонек любопытства.

– Защита действует на всех уровнях, – хмуро ответил Ш'янт, – я такой же пленник, как и все здесь.

– А чего ты хочешь от меня? – удивленно вскинув брови, Граци склонил голову набок, рассматривая Ш'янта с пристальной жадностью голодного хищника.

– Маскировки, конечно! Я знаю, что ты можешь меня проведи.

Тяжело вздохнув, змей сдавил пальцами переносицу.

– Давай по существу, Зима. Тебе нечего мне предложить, – Ш'янт собрался возразить, но Граци предупреждающе вскинул руку, – ты жив благодаря Артумиранс, да хранит мрак ее измученную душу. Благородная глупышка тратит драгоценное время совершенно напрасно. Все, что у тебя есть – жалкие остатки силы. Развей их – и не станет ничего. Ты же просишь, в обмен на целое ничего, подвергнуть себя опасности. А я очень дорожу своей драгоценной шкурой.

Скрипнув зубами, Ш'янт из последних сил пытался удержаться на грани между рассудительностью и яростью.

– Артумиранс нашла ее.

Змей замер на мгновение, отвел взгляд, будто что-то об-

думывал. Лоб прорезала глубокая морщина, а темные чайные глаза наполнились золотистыми всполохами.

– Нашла, понимаешь? И ее привезут сюда. В особняк Следа. Мой единственный шанс вернуть силы и тело! Мне нужно, смертельно необходимо, попасть в этот клоповник!

– Что именно она сказала? – вдруг спросил Граци.

– Как всегда: лишь намеки, – Ш'янт раздраженно отмахнулся, – думает, что Клаудия нашла ее первой не без помощи Первородной.

– А что в этом для меня? Для всех нас?

Ш'янт осекся. Если бы он мог бледнеть, то это, несомненно, случилось бы.

– Что ты хочешь услышать?

– Например, что ты можешь открыть двери домой? – глаза Граци потемнели, превратившись в настоящие омуты. В них можно было с легкостью провалиться и уже не выплыть на поверхность, – что можешь помочь своему народу вернуться в Энкул?

– Не думал, что тебя, полукровка, это волнует.

Граци скользнул вперед. Чешуя угрожающе зашуршала по доскам пола. Змей обвился вокруг Ш'янта, но не коснулся, будто даже прикосновение могло испачкать его.

– Что меня волнует – не твоего ума дело, Зима. В чем проблема? Берешь и обещаешь. В противном случае я палец о палец не ударю. Ты знаешь, что я не шучу. Пытать меня ты не можешь. Тебе нечем меня купить, но... – змей хищно

облизнулся, – ты можешь дать слово.

– Это безумие! – Ш'янт упрямо вскинул подбородок.

Упрямство это было детским, совершенно не рациональным, но что-то внутри – крохотный огонек противоречия – мешало просто согласиться.

– Ты, как ни крути, все еще король! – прошептал Граци, чуть наклонившись вперед, чтобы их глаза были на одном уровне, – и слово твое священно. Глупый закон, но он работает даже здесь, я точно знаю. Вернув тело, ты вернешь и прежние силы. Да и подумай сам! Ты тут всем поголовно задолжал. Народ устал от людей. Им нужна новая дорога и цель, к которой можно идти. Иномирцы хотят вернуться.

– Когда вам уже наскучит винить меня в своих проблемах?

– Никогда! – Граци пожал плечами, – это куда интереснее, чем винить самих себя. Так что, Зима? Ты готов заключить сделку?

Усмехнувшись, Ш'янт взмахнул рукой и не без наслаждения наблюдал за паникой, всколыхнувшейся в глазах змея. Тот отскочил назад как ошпаренный, и едва не сшиб стол. Глаза превратились в прозрачные золотистые озера кипящего гнева, в горле заклокотало.

– Смотри, чтобы ты об этом не пожалел, змеиное отродье. Где мне расписаться?

Липкий всепоглощающий холод, а вкус у него, как у под-

гнившей брусники. Он пробирался под одежду, под кожу, вгрызался в кости и настойчиво толкался в рот, пробуждая в самой глубине волну тошноты. Не давал свободно вздохнуть, не позволял пошевелиться, но Май сражалась отчаянно. Рвалась на поверхность, к солнечному свету, домой, где ее должен был разбудить окрик матери. Пора просыпаться. Нужно заняться домашними делами.

И Киран собирался зайти в гости сегодня...

Киран...

Воспоминания ворвались в затуманенный рассудок, разметали мысли по углам и заставили вскочить на ноги с такой скоростью, что мир перед глазами завертелся сломанной юлой и накренился на бок.

Киран в пещере, и рот у него разорван от уха до уха, а над головой будто шумят листья древнего леса и шепчут, шепчут, шепчут ужасы!

Город уже горит, Май.

– Спокойно, дитя! Ты не в себе.

Чья-то рука с силой сжала плечо, заставила повернуть голову и столкнуться взглядом с незнакомой женщиной. Высокая и прямая, как жердь, она рассматривала Май из-под густых ресниц. Серая одежда, стягивавшая худое тело, была без нашивок и отличительных знаков, пропитана пылью и цветочной пылью. Совершенно невзрачное лицо, лишенное ярких черт, даже шрамов не было. Кожа выглядела безупречно гладкой, лишенной изъязнов, оспин и мелких мор-

щин.

«Лицо куклы», – подумала Май.

Что навсегда врезалось в память, так это глаза незнакомки. Темно-зеленые, блестящие и живые, обрамленные темными ресницами. И взгляд этот был безжалостен.

– Кто вы? – она попыталась говорить твердо, но голос предательски дрожал и ломался.

Почем в доме чужак? И где матушка?

– Как вы попали в дом?!

– Сядь, – голос женщины проморозил до самых костей, и Май опустилась в удачно подвернувшееся кресло. Вцепившись руками в подлокотники, она напряженно осматривала комнату и едва подавила крик, когда увидела в дальнем углу странную черную массу, облепившую стены. В липкой, как патока, черноте ясно проступали красноватые прожилки, похожие на кровеносные сосуды. Масса подрагивала и растекалась по полу омерзительной лужей, вызывая дрожь во всем теле, от пяток до кончиков пальцев.

Что вчера произошло?

Что...

Май зажмурилась, тошнота накатила снова, а под веками конвульсивно пульсировали разноцветные пятна.

Я пришла домой. Я...

– Ох, Пожинающий, – выдохнула она и прикрыла рот рукой.

– Вспомнила? – женщина склонила голову на бок и рас-

смастривала Май так пристально, что захотелось забиться в угол и скулить, как побитая собака.

– Это все не на самом деле...

– Когда выйдем из комнаты, то посмотришь на труп матери. Может это заставит тебя поверить.

Голос женщины исказился. Едва уловимо, но Май заметила, как изменилось выражение лица, как растянулись тонкие губы, обнажив на удивление острые нечеловеческие клыки, а в топкой зелени глаз мелькнуло алое зарево.

Смысл ее слов дошел только через секунду. Сердце болезненно трепыхнулось в груди, ударилось о ребра и провалилось куда-то вниз оледеневшим камнем.

Матушки больше нет...

Как ни странно, но Май не могла выдавить ни слезинки. Глаза оставались сухими, а мысли путались в голове, сталкивались между собой и разлетались в стороны разноцветными острыми осколками.

Что же теперь делать?

Нельзя оставаться в доме, нельзя! Что она скажет, если кто-то спросит о матушке? А если кто-то спросит о Киране? Он не мог просто уйти из дома и не сказать родным, куда направляется. Наверняка его уже ищут и скоро придут сюда. Они должны были пройти свадебный обряд через несколько недель! Ох, Пожинающий!

– Боишься? – голос женщины упал на плечи холодным колючим покрывалом. – Правильно делаешь.

– Когда я пришла в дом, здесь что-то было, – Май вскочила, как ошпаренная, вытянулась в полный рост и с удивлением отметила, что едва ли ниже незнакомки. – Что-то ждало меня внутри. И в пещере неподалеку! Я видела своими глазами! Что-то пришло за мной и убило матушку.

Женщина подняла руку, приказывая молчать. В этом жесте было столько власти и уверенности в собственных силах, что Май невольно стиснула зубы.

– Мало времени, а поговорить нужно о многом, – вот-вот рассветет, и нельзя нам здесь оставаться, дитя. Ты правильно опасаясь, что местные могут обвинить тебя в убийстве. Следы, что ты видела ночью, пропали, впитались в землю и осели в ней страшным ядом, что медленно будет ползти к городу. Все, что ты можешь сделать – сжечь дом и отправиться со мной.

– Сжечь дом?! – Май в ужасе отшатнулась от женщины и прижалась к стене.

– Только огонь и люоз страшны для проклятой крови! – она не пыталась приблизиться, но в глубине ее зрачков вспыхивали красные угли, – а засыпать все вокруг люозом мы не в силах.

Май обхватила голову руками и медленно сползла вниз. Пальцы так отчаянно цеплялись за пряди, что одно неосторожное движение и пучки волос останутся в сжатых кулаках.

Опустив ладони на дрожащие колени, она посмотрела на женщину и прищурилась.

– С места не сдвинусь, пока не объяснишь, что происходит.

Та склонила голову на бок, к чему-то прислушалась. Ее губы слабо шевелились, будто незнакомка с кем-то разговаривала.

– Твой мир болен, дитя, – вдруг произнесла она. – И его смерть – лишь вопрос времени. То, что ты видела – начало. Болезнь медленно распространится, изуечит каждого, к кому прикоснется, и, рано или поздно, доберется до каждого уголка Рагур’ен.

– Болезнь не сворачивает людям шеи!

– Но пораженные ею – сворачивают. Хочешь остаться и проверить? Недуг медленно будет катиться по этой земле и скоро вспыхнет в городе неподалеку.

– Я не могу не предупредить их! – Май вскочила на ноги и бросилась в коридор, но сильная хватка чужих рук чуть не повалила ее на землю. Трепыхнувшись, она попыталась вырваться, но тщетно. Незнакомка прижала Май к полу, головой вниз и, наклонившись так, чтобы почти касаться уха сухими губами, протяжно зашипела:

– Поверь, дитя, чем быстрее мы доберемся до столицы, тем лучше. Я не стану ждать, пока местные олухи соизволят поднять свои задницы и обследовать окрестности! И не тягаться им с ломкотой, понятно? Уж скорее они попадут в сети проклятой крови и станут ее верными слугами. Так что захлопни рот, собери самое необходимое и мы уезжаем!

– Почему я должна вам верить?!

– Потому что я единственная, кто знает, как спасти этот загнивающий мирок.

Клаудия не дала ей похоронить мать.

– Огонь надежнее, – сказала она Май и подтолкнула в сторону выхода. Не позволила прикоснуться к телу, даже толком попрощаться не разрешила. Боялась, что «проклятая кровь» может как-то повлиять на Май, хотя золотые разводы и правда пропали, будто впитались в пол. Исчезли и следы в саду, вот только куст сирени, что цвел неподалеку и стоял ближе всех к золотистым полосам на земле, странно застыл и при малейшем дуновении ветра позвякивал, как дверной колокольчик.

Когда Май подошла поближе, она с изумлением отметила, что цветы, листья и весь куст поблескивают в лучах рассвета, как стекло. Притронуться к цветам она не решилась, но в глубине души занозой засел вопрос.

Как быстро эта гадость доберется до людей?

Она и правда не сможет уговорить Клаудию задержаться хотя бы на час, чтобы предупредить магистра города?

Это бесчеловечно!

Так нельзя...

«Оставлю записку, – решила Май. Скажу первому же стражнику, чтобы передал магистру в руки. Лучше, чем просто пройти мимо, зная, какая опасность может грозить жи-

телям. Пусть Клаудия хоть на стену лезет, но бросить людей в неведении – все равно что самолично убить их!»

Когда они покинули дом и Клаудия бросила внутрь несколько плотно упакованных брикетов, Май отвернулась, не в силах смотреть, как вот-вот сгорит ее жизнь.

Клаудия жестом указала на дорогу и открыла калитку. Чуть впереди, так, что с крыльца было не рассмотреть, топтались два диковинных зверя, при виде которых Май окончательно растерялась, а заодно и утратила все душевное спокойствие. Собственно, ничего такого в зверях не было. Всего лишь черный и серебристо-серый волки. Вот только размерами они могли поспорить с крепкими пони. Разумеется, ничего похожего на седла не было, так что Май с ужасом представила себя на спине такого чудовища, вцепившуюся в жесткий загривок.

Клаудия же, не обращая внимания на ее вытянувшееся лицо, подошла к волкам вплотную. Рука женщины мягко оглаживала головы присмиривших животных, принимавших ласку с такой готовностью, словно ждали целую вечность.

– Это Цивка, – сказала она и коснулась черного волка, а затем перевела взгляд на его серебристо-серого собрата, – а это Сэхро. Существа они мирные и доброжелательные. Если, конечно, не таскать их за хвосты и уши.

– Откуда они здесь? – пролепетала Май, делая осторожный шаг к волкам. Те уставились на нее совершенно одинаковыми желтыми глазами. Хотелось верить, что волки не

оценивают Май, как еду.

– Они мои друзья и союзники, – бросила Клаудия, – где я, там и они.

Май подошла ближе и положила руку на голову зверя. Цивка на мгновение прижала уши, но одного слова хозяйки, произнесенного на странном и незнакомом наречии, оказалось достаточно, чтобы успокоить ее.

– Вперед же, дитя!

Клаудия в мгновение ока оказалась на спине Сэхро.

Май вопросительно уставилась на своего волка и тяжело вздохнула. Что ж, придется приспособливаться. Никто не собирался объяснять, как вести себя на спине невиданного зверя.

Вот и выкручивайся теперь, как хочешь!

Цивка словно почувствовала ее неуверенность и легла прямо посреди дороги, подставив спину. Смотрела она при этом с таким укором, что стало не по себе.

За спиной затрещало, а жар вспыхнувшего пламени был ощутим даже на таком расстоянии от дома. Май зажмурилась и приказала себе не оборачиваться, но мысленно поклялась, что обязательно узнает, почему именно ей «посчастливилось» потерять все в одну страшную ночь.

То, что девчонка едва держится на волке, Клаудия заметила уже через два часа. Солнце поднялось высоко и порядочно припекало, но даже не в этом была проблема.

Май не знала, как себя вести. Испугано жалась к загривку, костяшки побелели от напряжения, в лице ни единой кровинки, зубы стиснуты, а глаза полны слез. Оплакивала ли она свою жизнь или просто не могла совладать со страхом перед могучим зверем – Клаудия не знала.

– Я очистила ее сознание от скорби, – голос богини грянул, как гром среди ясного неба, заставил содрогнуться и остервенело вцепиться в загривок волка. – Сожаления только ослабят ее, а мне нужен полноценный прочный сосуд.

– Вы тратите силы, госпожа.

– Ничего подобного! Девчонка – открытая книга, хорошо поддается внушению. Ее разум мягкий и податливый, созданный для перемен.

– А если ваше влияние ослабнет?

– К тому моменту ее воспоминания поблекнут и выветрятся. Человеческая память недолговечна, и боль не хранится в их душах слишком долго.

Клаудия кивнула и перевела взгляд на новую подопечную. Девчонка, конечно, храбрилась и пыталась показать, что все в полном порядке, но Клаудия решила дать ей передышку. Тело должно оставаться здоровым и целым.

Тренировки и так порядочно измотают ее.

Резкий приказ остановиться заставил волков свернуть в сторону и замереть в высокой зеленой траве.

Девчонка сползла на землю и чуть не бросилась целовать камни возле дороги. Твердая опора под ногами ей была ми-

лее, чем ходящая ходуном спина волка.

Клаудия наблюдала за воспитанницей, но старалась не слишком показывать свой интерес. «Как же мало силы в этом тщедушном теле! Одни углы да изломы, облегающая рубашка четко очертила выпирающие ребра, руки – как прутики, ноги того и гляди подломятся. Пожинающий сохрани, только присмотревшись, можно понять, что у девчонки есть грудь, а бедра чуть круглее, чем бывает у мальчишек!»

Клаудия невольно вспомнила себя в восемнадцать лет: уже тогда в ней было куда больше женского.

«Много возни будет с этим телом, а Первородная не может ждать».

– Я ждала триста лет! Что такое еще несколько месяцев в сравнении со столетиями, проведенными в неподвижном саркофаге собственного тела?

Клаудия никогда бы не смогла привыкнуть, что каждая ее мысль делится на двоих. Иногда такое единение разумов даже пугало ее, ведь любое неосторожное слово могло повлечь за собой наказание.

Но в то же время в груди всегда становилось горячо, когда Первородная вступала с ней в диалог.

Невозможное, невероятное единство! Да не с кем-нибудь, а с самой богиней! Старшей из дочерей Пожинающего, сильнейшей из всех детей ушедшего создателя Рагур'ен.

И она избрала ее, Клаудию, своим временным вместилищем!

Открыла ей планы, доверилась, показала, как хрупок мир за пределами привычной для человека скорлупы и что случится, если не предотвратить катастрофу, не остановить проклятую кровь.

И для этого Первородной нужно тело.

Клаудия даст ей его. В лучшем виде: подготовленное и усмиренное.

Ожидание окупится сполна, когда королева наконец получит возможность вновь править своим королевством. Разумеется, ничто не дается просто так. Мало кто помнит то время, когда Первородная твердой рукой властвовала на землях Рагур'ен. Могут подать голос несогласные. Или, что еще хуже, – другие дети Пожинающего.

За три столетия они привыкли править в своих стигаях.

Но у Первородной будет новое вместилище и верная армия, готовая подмять любого, кто встанет на пути.

Клаудия помнила те первые дни, когда, будучи еще совсем зеленой девчонкой, слышала зов Первородной. Едва заметный шепот, что преследовал ее днем и ночью. Не давал покоя, вселял страх и благоговейный трепет.

Она была нескладной и восторженной, как Май. Наполненной иллюзиями и хрупкой, точно кувшин с пенящимся пивом. Глаза ее блестели радужным предвкушением чуда, но вскоре ему суждено было развеяться.

Ее народ был изгнан из северного стигая в земли бесконечных песков, на жаркий восток. Только лишь за то, что их

верность Первородной оставалась незамутненной, не принимающей власть людей в божественном городе. Вместо того, чтобы искать способ пробудить великую богиню, люди позволили ее силе ускользать, как песчинки ускользают сквозь пальцы.

И ее почитатели жестоко поплатились за неповиновение. Клаудия хорошо помнила родину своего детства.

Повсюду, куда ни глянь, до самого горизонта растекалось золотом песчаное море. Восточный стигай вообще славился своими бурями, песчаными тварями, которые чувствовали себя среди дюн, как рыбы в воде, да ядовитыми цветами, что росли вблизи малочисленных оазисов и забирали жизни многих неосторожных и уставших путников. Там правила Эн-Вей, и слабых жестокая богиня не жаловала.

Песок быстро выбил из Клаудии всю дурь, обтесал ее, точно опытный скульптор, сбив толстый слой восторженной шелухи.

Восток людям не принадлежал. Опасная и неблагодарная земля, способная сгноить любого, кто не проявит должного уважения к ее законам и тайнам. И ее народ проявил. Идти больше было некуда, люди приспособились и прижились, пустили первые слабые корешки, а через несколько лет посмели назвать пустыню новым домом.

Но когда боги исчезают, все идет не так, как нужно, и люди не в силах своими молитвами удержать пошатнувшийся баланс.

Война с иномирцами, болезни, разруха, сон Первородной.

И ломкота, что осталась за Великой стеной, но нашла способ пробраться в Рагур'ен.

Первородная показала Клаудии. О да, она ей показала!

Колоссальная каменная лента, что опоясывала все восемь стигаев. И была она выше Седых Предгорий и шире самых больших трактов.

И за ней жизни не было.

Мир сжался до размеров крепости. Она хоть и занимала большую часть континента, но все больше походила на тюрьму, чьи стены уже не могли сдерживать болезнь.

Странная и горькая ирония: пустыня, приютившая последних слуг Волчицы, стала первой жертвой проклятья. Медленно, но верно стекленели дюны у границ Рагур'ен. Люди бежали из зараженных мест, но как долго это могло продлиться?

Клаудия рискнула всем. Она преступила законы. В случае неудачи ее ждала смерть и забвение, дороги назад не было. Само ее присутствие здесь могло поставить под удар весь народ. Старейшая никогда бы не простила неповиновения. Клаудия бы с радостью приняла смерть от ломкоты, но она не хотела ждать. Она хотела жить! И не желала такой участи никому. Отчаянно, самозабвенно хваталась за любую, даже самую призрачную возможность.

И Первородная показала ей путь. Подбросила семечко идеи на благодатную почву ее разума.

Что такое судьба одной девчонки, когда на кону жизни сотен тысяч?

Всего лишь одна девочка. А уж Первородная сполна вознаградит Клаудию за труды. И исполнит заветное желание. Спасет от смерти и вернет Следу былую славу! Люди взглянут на последователей по-новому. О, они будут вынуждены принять их назад! И засунуть свои проклятья поглубже.

Хорошо, что в свое время, когда эта иномирская сучка Артумиранс была в руках Следа, Клаудия додумалась сделать копию ее книги. Мерзостный сборник пророчеств, написанный кровью и ненавистью.

Годами, пока ее люди укреплялись на востоке, она расшифровывала записи, чтобы узнать о приходе дэр-ла – «утренней звезды» – способной стать вместилищем для духа Первородной.

Правда, всегда оставался неприятный вопрос. Что будет, если все пойдет не по плану? Клаудия прятала ответ глубоко во мраке подсознания, но никогда не забывала о нем.

Мы все рассыплемся трухой – вот, что будет.

Поиск подходящего кандидата оказался сложной задачей.

Точнее, кандидатки. Даже слово «подходящая» не отражало всю суть: кандидатка была единственная. И последняя в Рагур'ен, если верить записям свихнувшейся Артумиранс.

Никто не придет после нее.

Как же жаль, что иномирская мразь ускользнула из рук! Она так много оставила при себе, стольким не поделилась с

книгой, а значит и со Следом.

Клаудия все еще лелеяла надежду, что их пути пересекутся, и эта встреча станет для предсказательницы роковой.

Осталось только «подготовить» Май. Надломить сознание и укрепить тело. Превратить в отлаженный механизм, искоренить любые сомнения. Благо Первородной – высшее благо – вот и вся истина, которая должна заполнить ее разум.

Май коснулась рукава ее куртки, заставив вздрогнуть от неожиданности. Девушка смотрела с опаской, недоверчиво. Клаудия слишком глубоко ушла в свои мысли, чтобы что-то замечать. Возможно, ее даже окликнули, но воспоминания утянули в зыбкое песчаное море.

Проклятье! Сохраняй бдительность!

Оставаться на открытом месте было опасно, так что Клаудия приказала Май размяться и забираться на волка. Город ждал их в двух долях пути по дороге: там можно остановиться на ночь, а утром двинуться дальше. Как раз будет время все обсудить.

Девчонка растянулась на траве и перевернулась на живот, положив голову на скрещенные руки. Что-то привлекло ее внимание в траве. Странное темное пятно, выделявшееся на общем сочном зеленом фоне. Май потянулась к находке.

Клаудия едва успела перехватить ее руку. Она даже не ожидала от себя такой прыти. Слава Первородной, что рефлекс, даже в таком возрасте, остались при ней.

Рассматривая пятно, Клаудия вцепилась в запястье вос-

питанницы с такой силой, что та вскрикнула от боли. Оттащив девчонку в сторону, она заставила ее подняться и толкнула к волку.

– Это же...

– Замолчи! Забирайся быстрее, нам пора двигаться.

– Но ведь...

– Садись немедленно и придержи язык! Мы поговорим в городе.

Вскочив на спину Цивки, Клаудия бросила взгляд на темный мазок в траве, будто кто-то неправильно смешал краски и ошибся с цветом. Несколько травинок отливали стеклянным блеском.

Клаудия знала, что стоит их коснуться, и в руке останется только стеклянная пыль, которая через три дня разъест кости того глупца, что осмелился любопытствовать.

Глава 3. Стекло Литгиль

Граци не обманул, несмотря на то, что Ш'янт привык ожидать от него всякого. Их вражда напоминала тлеющий костер, готовый вспыхнуть, если неосторожно потревожить угли.

Змей питал исключительную привязанность к Артумиранс. Скрывал это так неумело, что даже ребенок бы догадался, как именно Граци относится к провидице, и любовь эта вызывала в нем бурный протест против любой связи Ш'янта с его ненаглядной возлюбленной.

Разумеется, провидица действовала так, как считала нужным. Ее мало волновало чужое возмущение. Вся жизнь Ар-тумиранс крутилась вокруг того, что говорила книга, а она приказала ей протянуть руку помощи. Никаких иных решений не было.

Граци мог лопнуть от возмущения, но это ничего бы не изменило, и змей выбрал меньшее из зол. Смирился, хоть и не упускал возможности ткнуть Ш'янта в прошлые ошибки, проверить кинжал в старой ране.

При этом он умудрялся оставаться честным до самого конца. Раз получил обещание, то и свое слово сдержал в точности.

Змей подвел Ш'янта к выходу из квартала, но не к главным воротам, а к крохотной «калитке», расположившейся недалеко от нужного особняка.

– А я-то думал, что ты меня проведешь прямо через парадный вход, – усмехнулся Ш'янт, – тропа из цветов, ликующие возгласы, все такое.

– Иногда ты кажешься мне большим тупицей, чем есть на самом деле, – ответил Граци, – шуточки оставь при себе, Зима.

Дверь можно было найти, только если напрячь зрение. Тончайшая линия на желтоватом камне. Она вырисовывала ровный прямоугольник высотой в два человеческих роста. Если надавить, то часть стены ушла бы внутрь и отъехала в сторону, но только человек мог пройти через этот ход. Ес-

ли бы, конечно, кому-то пришло в голову посетить «Ручьи» и угодить в пасть плотоядным жителям, никогда не брезговавшим человечинной.

Небо облагрилось красным, мохнатые громады облаков нависли над городом, угрожая ливнями и штормами. В свете заката Граци выглядел как иллюзия. Алые отблески играли на змеином хвосте, ветер запутался в черных волосах, что-то магическое проскальзывало во взгляде чайных глаз.

Змей коснулся стены. Любой другой лишился бы руки, а Граци лишь поморщился и надавил сильнее, заставив камень податься внутрь.

Ш'янт не мог просто пройти через «калитку» без определенной защиты.

– Я буду ждать на этом же месте через три часа, – сказал Граци, – не успеешь – и будешь шататься по людским улицам, пока я не решу тебе забрать. Если решу.

– Собираешься учить меня пунктуальности, Граци?

– Кто-то же должен! Давай покончим с этим быстрее. Мне дурно только от одной мысли, что ты подчинишь мое тело.

– Я буду нежен, – Ш'янт шутливо поклонился и подумал, что если бы эти глаза могли убивать, то он бы уже превратился в пыль и был развеян ветром.

– Гореть тебе в пламени мрака, сукин сын, – процедил Граци.

Ш'янт шагнул вперед. Слияние с живым существом – болезненный процесс. Для Граци – это унижительная необходи-

мость, сродни рабству. Для него – потрясающий шанс ощутить, наконец, происходящее вокруг. Не быть наблюдателем, а участвовать, касаться и впитывать.

Через несколько секунд Ш'янт провалился в реальность, полную тактильных ощущений, окунулся с головой и чуть не захлебнулся. Запахи никогда не были острее, ветер бросил песок в глаза, а прикосновение ткани к телу вызвало почти физическую боль.

– Шевелись, Зима, – было так странно ощущать, что рот открывается без его участия, сам по себе. Граци не собирался отдавать полный контроль.

– Всего секунду, – выдохнул он, – дай мне секунду.

Ш'янт поднял руку, провел кончиками пальцев по камню. Шероховатость стены нырнула под ладонь, запястье пронзили иголки, из горла вырвался сдавленный смех. Двинувшись вперед, пытаясь привыкнуть к странной вибрации змеиного тела, он прижался лбом к разогретой стене, вдохнул так глубоко, как только мог, отчего в носу защекотали пылинки, и Ш'янт чихнул, едва не расхохотавшись от накрывшего его облегчения. Он хотел забрать как можно больше ощущений, чтобы потом, когда все закончится, перебирать драгоценные мгновения, точно камни в шкатулке.

Граци был подозрительно молчалив.

Отстранившись, Ш'янт повел плечами и скользнул вперед, через калитку.

– Спасибо, – пробормотал он.

– Скоро ты сможешь делать это сам, Зима, – голос змея звучал до странного мягко. Он понимал. Никогда бы в этом не признался, но и этого мимолетного дружеского ободрения было достаточно.

– Твои бы слова – да Пожинающему в уши, Граци.

За «Ручьями» был совершенно другой мир. Если квартал иномирцев напоминал просто нагромождение деревянных и каменных коробок на фоне желтоватых дорог, резкие неаккуратные мазки на холсте уличного художника, то столица считалась жемчужиной северного стигая. Башня Беренганд – угольно-черная, блестящая, свитая в тугую спираль – обрамлялась настоящим белокаменным морем.

Это был мир мрамора, розового туфа и магических фонарей, созданных из золотистого полупрозрачного люза. Свет отбрасывал на дороги теплые всполохи и вычерчивал на лицах прохожих причудливые узоры. Никаких торговых палаток или зазывал. Большая часть магазинов – одноэтажные затейливые постройки, укрытые мягкой черепицей, переполненные тканями, специями, украшениями, сладостями из западного стигая и лекарственными настойками из юго-западного.

Граци оставил Ш'янта в одном квартале от «калитки». Дальше идти ему было небезопасно: много людей, слишком светло, да и След выбрал себе знатное дорогое местечко, где стражи было больше, чем во всем остальном городе. Стоило

только кому-то заметить змея на улице, и беда неминуемо обрушилась бы на самого Граци и на все «Ручьи».

Иномирцев сложно убить, их раны исчезают в считанные секунды, но и тут люди преуспели в борьбе с врагом. Люз использовали не только как украшение, но и как оружие. Ш'янту доводилось видеть, в каких жестоких муках умирали соплеменники, чьи раны были нанесены этим минералом. Ни одному человеку он бы не пожелал подобной агонии.

Вышагивая по улице, он совершенно не волновался, что кто-то заметит чужое присутствие. Взгляды людей, тех, кого закат не загнал в безопасный полумрак родного дома, скользили мимо. Они ежились, беспокойно оглядывались, даже замечали непонятную тень, ощущали, как холодок страха прокатывался по позвоночнику. Их носы щекотал сладковатый запах.

Так могла пахнуть жимолость, размятая в кулаке. В глазах прохожих, стоило им только приблизиться на расстояние вытянутой руки, замирала томительная тоска и растерянность, будто они забыли, зачем и куда шли.

Завтра никто бы не вспомнил о вечерних волнениях.

Стоило сделать еще двадцать шагов, как внимание привлёк гулкий хлопок металла о дерево: ветер трепал резную деревянную вывеску местного трактира. Даже в белокаменном чистом раю вино текло рекой. Качество Ш'янт оценить не мог, а вот вывеска привлекла внимание.

На темном древесном полотне крохотная фея восседа-

ла на спине мохнатого волка и, размахивая остроконечной шляпой, неслась куда-то вперед, в неизвестность. Лицо феи озаряла счастливая улыбка, а вот волк явно грустил. Кисть художника наградила зверя таким тоскливым взглядом, что кто угодно вздрогнул бы, думая о судьбе несчастного животного. Впрочем, посетители не обращали внимания ни на странную вывеску, ни на название «Синяя кобыла».

Что-то в момент создания этого шедевра пошло не так.

Скользнув мимо разномастной толпы, вывалившейся прямо на белые камни дороги, Ш'янт рассмотрел трехэтажный особняк, густо украшенный колоннами, двумя эркерами и громоздкими витиеватыми карнизами.

Две статуи встречали посетителя у главного входа. Масивные белые гиганты доставали макушками до крыши и изображали Пожинающего и его дочь, держащимися за руки на уровне второго этажа. Иронично, учитывая, что они так никогда и не встретились.

Ш'янт даже не спрятался в тень, когда к двери мимо него поспешила юная послушница. В руках она держала объемный сверток темной бумаги, щеки покраснелись от бега, а из тугой косы выбилась светлая прядка.

Она успела почувствовать, что кто-то коснулся ее сознания, и тотчас оказалась зажата в самом тесном и темном уголке, связанная по рукам и ногам невидимыми путами, совершенно лишенная возможности управлять телом.

Иномирец повел плечами, привыкая к крохотному телу.

При всей своей молодости девушке немного не хватало гибкости.

– Мрак тебя раздери, – пробормотал он и замер, прислушиваясь к высокому голосу, – эх, что есть, то есть.

– С вами все в порядке?

Замерев на месте, Ш'янт медленно повернул голову и снова выругался, на этот раз про себя.

Два стражника медленно шли в его сторону, играючи покачивая алебардами. На лицах обоих застыла ни то улыбка, ни то оскал. С такими мордами их должны были выставить из стражи еще вчера! Если бы не Ш'янт сейчас управлял девчонкой, то юная особа непременно испугалась до полусмерти. От одного взгляда на каменные физиономии, будто вырубленные из одного куска гранита, могли коленки подогнуться.

Хлопнув ресницами, Ш'янт улыбнулся так, что растаял бы даже святой. Накрутив на палец тугой светлый локон, он закусил пухлую губу.

– Да, все в полном порядке, – пролепетал иномирец, – такая неуклюжая последнее время, просто кошмар!

Один из стражников медленно наклонился и поднял сверток. Впервые на его лице мелькнуло что-то похожее на человеческое чувство. Протянув ношу Ш'янту, он отступил назад, будто испугался чего-то.

– Вы из Следа?

– Да, милорд.

– Вам не следует находиться на улице в столь поздний час.

– Но разве улицы нашей прекрасной столицы небезопасны?

Ш'янт бросил наивный взгляд из-под пушистых ресниц и легкий румянец залил щеки. Тело оказалось податливым, а разум гибким. Одно удовольствие управлять таким экземпляром.

– Я не исключаю такой возможности. Улицы любого города небезопасны с приходом сумерек.

Каменное изваяние. Где их вообще таких взяли?

– Благодарю за заботу, милорд! Больше такого не повторится.

Сдержанно кивнув, стражники прошли мимо. Даже не обернулись, чтобы посмотреть на юную послушницу. Что-то в них вызывало подозрение, но времени было в обрез. Кто знает, вдруг Граци правда оставит его здесь одного, как только истекут три часа.

Ш'янт медленно поднялся по ступенькам ко входу и коснулся двери.

Когда Клаудия и Май добрались до Глизе – первого крупного города на пути в столицу – девочка уже молила о скорейшем избавлении: нещадно ныла напряженная спина, а руки приросли к волчьему загривку. Разжать одеревеневшие пальцы могло только чудо.

Глизе был велик только на первый взгляд. На деле же он

пыжился и прихорашивался, выдвигая вперед внушительные стены, так и эдак притягивал взгляд разноцветными лентами, расписанными охрой домами, напоминавшими праздничные пряники, и поблескивал многочисленными витринами.

Но стоило чуть продвинуться вглубь, пройти по узким улочкам, вдохнуть запахи пота, рыбы, луковой шелухи и нагретого солнцем камня, как наносной лоск истончался и трескался, облетал под ноги горькой пылью.

Город разжился только одной гостиницей, почти всегда набитой до отказа. Торговцы жили в ней неделями, оставались на весь сезон весенних праздников и убирались в родные края только ближе к середине лета, когда наступало душное затишье.

Клаудия не волновалась, ведь мешочек со сциловыми пластинками был способен купить не только комнату на двоих, но и все остальное, вплоть до горячей воды, чистых простыней и плотного ужина. Ей не терпелось отмыться и поесть. Живот давно крутила болезненная голодная судорога, но время поджимало.

Всю дорогу из головы не шла та остекленевшая травинка. Во имя Первородной, как хорошо, что она успела остановить девчонку! Иначе весь план бы полетел мраку под хвост. Но даже не это тревожило, а само присутствие ломкоты. Болезнь ширилась. Проклятая кровь двигалась слишком быстро: разносилась птицами, неосторожными животными и на-

секомыми. Сколько еще есть времени у людей, прежде чем зараза расползется?

– Разрывов может быть больше, чем один.

Голос богини звучал глухо и раздраженно.

Несмотря на то, что голова была забита под завязку, Клаудия поглядывала на дорогу, чтобы не проворонить тот момент, когда волков стоило отпустить. Нельзя было показываться на них у ворот или в городе. Стражники священных зверей не жаловали.

Клаудия остановила Цивку и спешила, приказав Май сделать тоже самое. Та недоуменно передернула плечами, но спрашивать ничего не стала.

Волки подчинились короткому приказу и через несколько секунд скрылись за изгибом дороги. Когда придет время, они откликнутся на зов Клаудии, чтобы забрать путников и двинуться дальше.

Какое-то время они шагали по дороге в полнейшей тишине. Май осматривалась по сторонам, что-то бормотала под нос и иногда касалась пальцами лямок дорожного мешка. Шаг ее был легким, стремительным, будто в теле накопилась целая прорва силы, которую хотелось потратить.

Стертые богиней горести пока не омрачали ее разум, но Клаудия не забывала, что рано или поздно плотина чувств прорвется. И к этому моменту она рассчитывала добраться до поместья и упрятать Май за высокими стенами. В тренировках скорбь испариться быстрее, а Базель легко выбьет

мысли о гибели матери и неизвестном будущем из белокурой девчонки.

Та даже не помыслит о побеге.

О мести, возможно. О борьбе с болезнью.

Именно эти стремления стоило вложить в нее.

Ворота города быстро приближались, уже можно было рассмотреть, как желающие войти и выйти превратились в два тонких ручейка. Один наполнял город торговцами и путешественниками, второй вымывал из него тех, кто отдохнул и решил покинуть гостеприимные стены.

Стражники придирчиво проверяли всех прибывших. Подняли оружие, приказывая остановиться. Лица у двух крепких мужчин, облаченных в легкие кожаные доспехи, были угрюмыми и уставшими.

Тот, что был моложе – рыжеволосый и нескладный – странно ухмыльнулся, не отрывая глаз от девчонки, но стоило ему столкнуться с холодным взглядом Клаудии, как большая часть самоуверенности слетела с юнца и пылью осела на земле.

Май опустила голову и густо покраснела. Недобрые шутки и грубые смешки совершенно сбили с толку. Все, о чем она могла мечтать – поскорее оказаться в гостинице, но Клаудия не торопилась.

– Куда претесь? – грубо крикнул старший. Черноволосый, но уже изрядно полысевший, на затылке жидкий хвостик был перетянут кожаным ремешком. Смуглое лицо наискосок

пересекал лиловый рубец, из-за чего мужчина выглядел по-настоящему жутко. В серых глазах – ни капли почтения, хотя откуда ему было знать, кто перед ним, – есть документы на въезд? Без них пускать не велено!

Клаудия достала из складок свободной рубашки желтоватый сверток и сделала шаг вперед.

– Стой, где стоишь! – рявкнул стражник и толкнул вперед рыжеволосого, – Крош, забери бумаги!

– Смотреть будете из рук.

– Ты что же, вай сэлах, удумала спорить?! – стражник аж побагровел от ярости. Рука оглаживала рукоять клинка, болтавшегося на поясе. Май поняла, что он, не задумываясь, использует его. Крош замер, не понимая, что делать дальше. – Или давай бумаги, или ночуй под стеной!

– Вы смотрите из рук, или на ваши головы падет гнев Пожинающего, – холодно бросила Клаудия, – вы что, ослепли совсем, дуболомы? Или у вас тут с бумагами Синклита каждый второй разъезжает?

Крош зашипел и повернулся к старшему:

– Кордо, нельзя их пускать!

– Рот завали, немедленно! – бросил Кордо. – А ты подойди. И пишулю свою разверни, чтобы я все видел!

Она двинулась вперед, медленно раскрыв письмо. Наквозь поддельное. Оно не выдержало бы серьезной проверки, но стражники были явно не из тех кругов, где хотя бы умели считать до десяти.

Держа лист бумаги так, чтобы Кордо видел печать и текст, Клаудия подошла к нему вплотную и, не отрываясь, разглядывала побледневшее лицо.

Мужчина поморщился, будто перед ними бросилидохлую змею. От Клаудии в стороны растекались волны праведной ярости, даже плечи мелко затряслись от негодования. Май показалось, что будь ее воля, и стражник этот сверток бы сожрал. Стоя на коленях и моля о прощении.

Сплюнув под ноги, Кордо отошел в сторону и указал на ворота.

– Проходите, – сказал он, – за вами будут следить. Только попробуйте что-то учудить – и из города живыми не уйдете. Гарантирую.

– Кордо, ты что делаешь?!

– Да завали ты хлебальник, щенок! Бумаги у них, ясно? Все, как положено.

Юнец оскалился, словно собирался броситься, но взгляд Клаудии пригвоздил парня к месту. Не в силах сделать даже шаг, стражник что-то прохрипел и сверкнул глазами, обещая мучительную расправу.

– Держи в узде своего выкормыша, а то если кто и натворит дел, так это он.

Когда путницы скрылись в переплетениях узких улочек, Крош смог пошевелиться. Попытавшись заговорить с Кордо, он с удивлением понял, что голос пропал. Из горла вырывалось только сдавленное бульканье и хрип.

Юнец посетил десяток врачей, но никто так и не смог вернуть ему возможность говорить.

Май ела медленно – боялась, что живот заболит, ведь они в дороге ни разу и не остановились, даже выпить воды. Сыр, яблоки и хлеб остались лежать нетронутыми в мешке. Суетливая служанка принесла тарелки и два тяжелых кубка с чем-то горячим. Через десять минут на столе уже источал пар и аромат небольшой глиняный горшочек с мясной похлебкой.

Людей в зале было мало. В центре, за грубым круглым столом, сидело трое плотных мужчин: вычурно одетые, с пухлыми пальцами, унизированными перстнями, волосы блестели от масла, из-за чего в воздухе разливался тяжелый аромат розы. Они были увлечены игрой в карты, рядом уже стояли две пустые бутылки вина, а служанка торопилась открыть новую.

– Ешь, дитя, – в голосе Клаудии угадывалась непривычная мягкость. Женщина смотрела на Май со смесью усталости и тревоги.

Наверняка это связано с той странной травой у дороги. Остекленевшей, отливавшей золотом. Совсем как те следы в саду.

Май прикрыла глаза. Кровь неслась по венам тяжелыми толчками, болезненно вбивалась в сердце и стискивала виски раскаленными щипцами. Она пыталась понять и не могла!

Ее забрали, даже не дали похоронить мать по всем правилам, но в груди ничего не шевельнулось. Пусто. Будто все чувства вытрясли на землю, растоптали и бросили в погребальный костер: горечь утраты, скорбь об оставленном доме, о Киране, что так бессмысленно погиб, пав жертвой неизвестного чудовища. О матери, которой она хотела бы многое сказать, но все не решалась, а теперь уже было поздно сожалеть и ничего не изменить.

Май не могла пролить ни слезинки.

Разве мне не должно быть больно? Горько? Невыносимо одиноко?

Почему я слушаюсь каждого приказа этой женщины, будто у нее есть власть надо мной?

– Почему вы так испугались? – вопрос слетел с губ сам по себе, не дав времени подумать.

Клаудия только собиралась попробовать ароматное вариво, но замерла и подняла голову. Ложка зависла над деревянной тарелкой, поверхность похлебки всколыхнулась.

– Стоит начать издалека, чтобы ответить на этот вопрос, – медленно проговорила она.

– Мы ведь не слишком торопимся, – Май пожал плечами и отправила ложку в рот.

Язык обожгло огнем, на глаза навернулись слезы. Перца явно не пожалели. Нюх отбило в считанные секунды: запахи зала исчезли, точно пыль, стертая мокрой тряпкой. Сейчас Май не отличила бы ведро помоев от изысканных духов.

– Воды? – усмехнулась женщина.

– Нет, благодарю, – просипела Май в ответ, – ничего вкуснее в жизни не ела. Так давайте начнем с самого начала?

– Тогда тебе придется сказать, изучала ли ты историю.

– Матушка не слишком любила, когда я интересовалась подобными темами. Считала, что это... не женское дело. Читать и писать полезно для всех, а вот все остальное...

Клаудия вопросительно изогнула бровь, а в зеленых глазах всколыхнулось веселое лукавство.

– Но ты наверняка не разделяла ее мнение.

Май неопределенно пожала плечами.

– Не разделяла, – медленно ответила она, будто прощупывала почву, – научив меня читать, матушка позабыла запереть шкаф с книгами.

– Бунтарка.

– Ничего подобного! – буркнула Май, уткнувшись взглядом в тарелку, – нет ничего плохого в любознательности.

– И куда же она тебя завела?

– Вы хотите спросить, знаю ли я о Пожинающем и его многочисленных отпрысках?

– Многочисленных? – хохотнула Клаудия, – помнится мне, что их было всего шестеро, да и то младшие всегда оставались в тени Первородной. Любимой дочери, чья власть простиралась над всеми землями Рагур'ен, пока не грянула иномирская война.

– Ну, как по мне, детей у Пожинающего было с избытком.

– Это мы прояснили. Что еще тебе известно?

– Он хоть и был богом, но не был бессмертным, – Май чувствовала себя так, словно от ответа зависела ее жизнь, – чтобы править, ему нужны были жизненные силы людей.

– Не просто людей, а женщин с определенной кровью, ведь так?

Май кивнула.

– Каждые десять лет отбиралось десять кандидаток, чтобы отдать их создателю. Их жизненная сила, их кожа, кости, мускулы, все их чувства приносились в жертву богу, чтобы тот жил и здравствовал. Продолжал охранять мир и награждать его своей милостью и светом.

Клаудия припала к кубку. В воздухе разлился аромат яблок и терпкого вина.

– Пожинающий не всегда был таким. Ведь изначально в его жилах текла бессмертная кровь.

– Текла, – кивнула Май, – до тех пор, пока в Рагур'ен не пришли первые его создания. Те, что были до людей, – она понизила голос до свистящего шепота и воровато огляделась по сторонам, – энкулиты. Плоть от плоти создателя. Им он отдал свои силы.

– Прогадал. Энкулитов он изгнал за гордыню и неповиновение, – женщина отправила в рот новую ложку похлебки, – и пришло время людей. Только вот для них у Пожинающего уже не осталось ни сил, ни искренней любви. Лишь разочарование и вечная жажда к плоти. Что же было дальше?

– Обещанная невеста принца Ригара – сына правителя северо-западного стигая – стала одной из тех, кого выбрали для жертвы Пожинающему. Разумеется, принц был не согласен с таким решением.

– Что это? – Клаудия удивленно вскинула брови. – Я слышу осуждение? Вот только не могу понять, кого ты осуждаешь больше. Пожинающего? Или принца Ригана?

– Не вижу смысла осуждать принца, – Май на секунду задумалась, но ответила решительно, – люди расплачивались за то, что их предшественники основательно подпортили создателю жизнь. Разве это справедливо? Он изгнал энкулитов. Изгнал! Наказание ли это, если род их все еще жив? И при этом люди должны нести бремя их предательства! Зачем он создал людей, раз так много сил отдал первым детям? Ради питания? И это все?!

Она так разошлась, что не заметила, как повысила голос.

Клаудия видела, что эти вопросы тяготят ее «ученицу»: в доме матери ей отчаянно не хватало слушателя, кому можно было бы выплеснуть все те странные штуки, вычитанные в книгах. С кем можно было бы обсудить далеко неочевидные истины.

На востоке Май бы за такие рассуждения пытали каленым железом. Там Пожинающего осуждать не смели и жестоко за такое наказывали.

Девчонке повезло, что Клаудия, пусть и не полностью, но разделяет ее возмущение.

– Несправедливо, да. Но что прикажешь делать? Поставить под удар весь мир? Принц Риган не думал о последствиях, когда принимал решение, а ведь он знал, к чему приведет неповиновение.

– Может он верил в освобождение, – упрямо мотнула головой Май, – если лишить волка пищи, то он покинет него-степриимный край. Отправится искать добычу в другом месте.

– Какая же она наивная дурочка, – проворчала богиня, недовольно заворочавшись в голове Клаудии.

– Бог – не волк, – Клаудия сцепила пальцы под подбородком и положила на них голову. Тело обволакивала приятная истома. Мышцы гудели, но не от напряжения, а в ожидании, что хозяйка скоро отдохнет, – божество мстительно. Оно мыслит, чувствует, боится. Оно полно амбиций, нетерпения и желаний. Боги хуже людей, – вдруг сказала она, – беспредельная сила смешивается с банальными пороками. Человека хотя бы можно остановить, – кашлянув, она снова посмотрела на Май.

– Не зарывайся! Ты не забыла, в чьем присутствии смеешь вести подобные разговоры?! – громыхнуло у правого уха, и Клаудия непроизвольно вздрогнула.

Девчонка откинулась на спинку стула.

– Создатель узнал о вероломстве принца и его невесты. Искать замену было слишком поздно. Пожинающий бросил все свои силы на поиски сбежавшей жертвы. И, конечно, он

ее нашел.

– И как же он поступил?

– Девушка в отчаянье бросилась на клинок любимого, – ответила Май, отхлебнув яблочный напиток, – это не могло считаться жертвой. Не было ни особого ритуала, ни песнопений. Все, что мог сделать Пожинающий – заключить дух погибшей в другое тело.

– В тело волка.

Май усмехнулась.

– Это кажется тебе смешным, дитя?

– Это кажется мне абсурдным. Война проиграна – почему бы просто не отпустить свою жертву, позволить ей покинуть этот мир? К чему эта бессмысленная месть, если она не спасет самого Пожинающего?

– Потому что люди должны знать свое место, – прошипела богиня, но девчонка ее, разумеется, не услышала.

Клаудия кивнула, в ее глазах читалась печаль и усталость.

– Пожинающий не мог простить измены. Он дал людям все, чего они желали: плодородные земли, богатые урожаи, долголетие, освободил от страшных недугов. Он защищал их дома, выполнял просьбы и что просил взамен? Несколько жертв, в обмен на настоящий рай.

– Какой же это рай, если стоит он на крови женщин?

А у девчонки есть характер. Старейшая точно распнула бы ее в пустыне.

– Я, скорее, придерживаюсь мнения, что Пожинающий

мог найти другой путь. Не все так уж очевидно с этими жертвоприношениями. Даже служа ему, я не всегда согласна с его законами, хотя стараюсь им следовать. Этому посвящена вся моя жизнь. Впрочем, это тема для долгой дискуссии, а времени у нас нет. У меня остался еще вопрос, дитя. Как создатель наказал людей, помнишь? Когда в безумной агонии, в шаге от забвения покинул Рагур'ен и своих детей.

– Окропил кровью земли. И они превратились в стекло...

Май замерла, пораженная внезапной догадкой.

– Так это же...!

– Тс, дитя! Здесь есть уши, которым не стоит знать о нашей находке, – прошептала Клаудия.

– Но как же так?!

– У нас еще будет время. Доедай. Завтра тяжелый день, а времени на сон осталось мало.

Май уткнулась в тарелку, не в силах поверить в услышанное, в то время как ее провожатая вела себя так, словно ничего не происходит!

Везет ее столицу, но для чего?

И оказалась она на пороге аккурат в нужное время.

Почему?

Знала заранее? Но почему пришла именно в дом Май? Искала ее?

Слишком много совпадений.

Май нахмурилась, прокручивая догадки так и эдак, но ничего не приходило в голову. Ответов не было. Перед глазами

маячили только вопросы, один другого сложнее.

Оставалось ждать и уповать на то, что все ответы ждут ее впереди.

Ш'янт не преминул заглянуть в таинственный сверток, но обнаружил там лишь коробочки со специями, не разбившиеся по чистой случайности. Значит, девчонку просто послали в ближайшую лавку, и сейчас она должна нестись на кухню, как ошпаренная.

Нужно отдать кухарке сверток, чтобы никто не хватился юной послушницы и не бросился ее искать. Только где здесь кухня?

Чуть покопавшись в воспоминаниях, Ш'янт уверенно двинулся вперед, не обращая внимания на многочисленные двери. От входа шел длинный узкий коридор, резко уходящий вправо через тридцать шагов. Тут дорога делилась на две. Можно было повернуть и погрузиться в хитрые лабиринты особняка или подняться на второй этаж по массивной темной лестнице. Вариант с лестницей сразу отпал. Туда Ш'янт решил заглянуть позже. Кабинет Клаудии, скорее всего, на первом этаже, а вот кухня, судя по обрывочным воспоминаниям, где-то в подвале.

Девчонка вообще оказалась на удивление хрупкой и плаксивой. Ее всхлипывания были отчетливо слышны где-то на самой границе между их сознаниями. Тело подчинялось беспрекословно: хозяйка даже не пыталась сопротивляться, хо-

тя для людей существовали простые способы защиты. Даже маленькие дети их знали.

Уж если ты изволил работать на Пожинающего и его дочурку, то должен знать все, чтобы оградить сознание от захвата извне. Чужак мог войти в тело, только когда служитель спал. И это все равно ничего не гарантировало.

Здесь же не было даже следа магической защиты.

Расслабились. Думают, что раз все иномирцы за стеной, то новые не появятся. Ох уж эта человеческая наивность! Словно за пределами столицы жизни нет. Впрочем, цепным псам Первородной уже глубоко плевать. Засели на востоке, как крысы в погребе, молятся да стенают о том, на кого их королева покинула. Проводят свои дикие ритуалы, пускают кровь во имя Пожинающего да пытаются любого, кто не согласен или пытается спорить. Странно, что Клаудию спустили с поводка. Она могла, конечно, просто пойти по той дорожке, что отвергала ее Старейшая: бороться с неизбежным, а не подчиняться ему.

Проходя мимо дверей, Ш'янт прислушивался. Тишина стояла гробовая.

Он остановился, чтобы осмотреть первую попавшуюся комнату. Дверь, выбранная наугад, оказалась не заперта. Помещение было забито под самый потолок всевозможным хламом и напоминало кладовку, но размером было не меньше кабинета Граци. Все свободное пространство занимали стеллажи, кресла, пара тяжелых дубовых столов и шкаф.

Сверху на все это богатство было наброшено тяжелое серое полотно.

Хорошо, допустим, что это кладовка.

Шагнув назад в коридор, Ш'янт открыл следующую комнату. Она была в том же виде, что и предыдущая, разве что здесь, помимо мебели, в кучу были свалены картины и gobelены. И так комната за комнатой. Из раза в раз он наталкивался на разруху и запустение. Это объясняло, почему вокруг стояла тишина, как на погосте. В особняке просто никто не жил, а девчушка-послушница, в теле которой пребывал Ш'янт, была едва ли не единственной его обительницей. Или первой из будущих служительниц.

Весь этот особняк выкупили только для одной цели.

Подготовить девчонку.

Клаудия, плюнувшая на все возможные запреты и законы, искала всего одного, конкретного человека, и сейчас она уже мчалась в столицу, чтобы сообщить радостную весть.

Дэр-ла найдена.

Найдена.

По позвоночнику иномирца прокатилась крупная дрожь.

Как это будет? Я никогда не состоял в связи с человеком.

Она будет чувствовать все то же, что и я?

Ш'янт, на самом деле, слабо себе представлял суть ритуала, что должен был вернуть ему тело.

Медленно двигаясь в сторону подвала, пользуясь открытыми нараспашку воспоминаниями девчонки, он впервые

задумался о том, что вообще собирается делать с Дэр-ла. Единение душ в теории должно было дать ему достаточно сил, чтобы восстановить физический облик.

Как насчет практики?

Он никогда не имел дел с людьми. Ну, почти никогда.

Их не было проблемой убить, их было легко использовать, но вот объединиться...

Между прочим, ты почти связал себя с человеком. Когда-то.

– Никаких воспоминаний, – пробормотал Ш'янт, – никаких воспоминаний!

Союзу иномирца и его Дэр-ла следовало быть крепким, нерушимым, для того чтобы можно было без помех качать силу из человеческого сосуда.

Ш'янту стало не по себе. Временно делить тело с забитым разумом, зажатым в темный угол, и при этом безраздельно править – это одно. Идти плечом к плечу со свободным человеком – совсем другое. Да еще и с девушкой!

– Мало мне в жизни проблем, – он закатил глаза и чуть не застонал вслух, – остается только надеяться, что она хотя бы симпатичная и умеет отличать правую руку от левой.

Об этом Артумиранс ничего не сказала. Улыбалась загадочно, головой качала. Будто нарочно мучала неизвестностью, чтобы посмотреть на реакцию потом, когда Ш'янт встретит свою звезду. Что-то было эдакое во взгляде иномирянки: какая-то насмешка, превосходство.

Она точно знала, что его ждет.

Задумавшись о своем, Ш'янт не сразу заметил, что был в коридоре не один. Ошибку он осознал, только когда врезался в препятствие. «Препятствие» спружинило, подалось назад, но тотчас откинуло его с яростным воплем. От мощного удара потемнело в глазах.

Будь Ш'янт в собственном теле, то кто-то остался бы без руки, но девочка оказалась хрупкой и слабой. Коснувшись пальцами щеки, он почувствовал, как под кожей пульсирует жар и боль, будто к ней поднесли раскаленный уголек. Во рту горчило от крови.

– Ты чего это тут крадешься?! – громынуло над головой. – Ты давно должна быть на кухне, маленькая дрянь!

Подняв взгляд, Ш'янт вздрогнул от отвращения.

Оно было не столько его, сколько девчужки, робко выглянувшей из своего черного угла. Удар на мгновение ослабил хватку и позволил пленнице осмотреться. Одного быстрого взгляда было достаточно, чтобы Ш'янта затопила чистейшая, густая, точно сироп, ненависть, прочно замешанная на страхе.

Перед ним возвышалась грузная женщина, почти полностью заслонявшая собой коридор. Злобные голубые глазки настолько маленькие, что рассмотреть их на совершенно круглом лице, размером с добрый арбуз, было той еще задачей. Недобро ухмыляясь, женщина переводила взгляд со свертка на девочку и обратно. Пришло четкое осознание –

сейчас она ударит снова.

Не прогадал.

Женщина только успела замахнуться, как Ш'янт рванулся вперед и нырнул в первый попавшийся коридор. За спиной что-то грохнуло, послышался визг и отборные ругательства. Видимо, неадекватная последовательница от души врезала по стене.

Чтоб у тебя кости треснули!

Ш'янт недолюбливал людей, но девочку стало жаль. В конце концов, в этом была и его вина. Лучше бы внимательно по сторонам смотрел. Крохотный огонек чужого сознания маячил перед внутренним взором. Он трепыхался и мерцал от обиды и горечи, от ненависти к нему за то, что запер, да еще и подставил.

Петляя по коридорам, Ш'янт уже и забыл, что собирался на кухню. Теперь ему туда путь был заказан. Это первое место, где стали бы искать послушницу.

У меня конкретная задача. Посмотреть на записи Клаудии.

Ощущение заброшенности преследовало его и дальше, хотя теперь комнаты выглядели жилыми. Возможно, эта часть особняка была занята помощниками Клаудии.

Обоняние и слух девочки не были такими острыми, как у Ш'янта, и приходилось останавливаться и вслушиваться в каждый скрип, чтобы избежать проблем. Перед одной из дверей он замер, как вкопанный. Если все остальные две-

ри были совершенно гладкими и лишены украшений, то эта сильно выделялась: сплошь укрытая мелкой резьбой, настолько детальной, что начинали болеть глаза.

Коснувшись рукой круглой ручки, он повернул ее и надавил, опасаясь, что кабинет заперт, но нет, дверь легко скользнула вперед, открывая взгляду богатое нутро. Вокруг царил идеальная чистота. Ни единой пылинки, на тумбе у окна стояли свежие цветы, поблескивал влагой бок пузатой вазы.

– Так вот где ты обосновалась. Недурственно, – протянул Ш'янт, но входить не спешил.

Нужно быть полнейшим идиотом, чтобы думать, будто помещение не защищено. На стенах и с внутренней стороны дверного полотна были вычерчены охранные печати. У Клаудии был пунктик на магическую защиту – иномирец об этом хорошо помнил.

Тяжелый резной стол занимал чуть ли не половину кабинета и был завален книгами и рукописями. Прямо сверху лежал полированный прямоугольник радужного стекла, заключенный в узорчатую деревянную раму, потемневшую от времени.

Ш'янт глазам своим не верил. Стекло Литгиль!

– Это мой артефакт, хитрая ты сука, – прошипел он.

Уникальная вещь! Универсальный ключ, которым отпирают двери на Изнанку. Можно было догадаться, что Клаудия не способна просто войти в башню и принести жертву Первородной.

Стекло Литгиль, направленное на Беренганд в определенное время, могло открыть вход на ту грань мироздания, где человеку нечего было делать.

Мир за стеклом куда больше напоминал родной дом Ш'янта, чем земли людей. Там можно было столкнуться с чем угодно. Отчаянный, сумасшедший план!

Она может обучить ее, но времени мало. Клаудия собирается идти следом? Провести Звезду на самый верх? Или рассчитывает, что дух Первородной откроет своей покорной слуге все двери, когда поймет, что сможет возродиться в новом теле?

– Я должен прочесть ее записи.

Но для этого придется войти. Угодить в ловушку. План – дерьмо, с какой стороны ни посмотри.

Если уйду и отпущу девчонку, она точно наплетет Клаудии, что нечто захватило ее тело и пробралось в особняк. Кто-то другой не поверил бы, но Клаудия – осторожная и умная тварь. Да и с воспоминаниями я не могу работать. Так глубоко в голову не залезешь. Убить? Останутся следы. Клаудия пронюхает. Или кто-то другой. После этого добраться до Дэр-ла будет так же просто, как сбить солнце с неба.

– Мрак с тобой, – рыкнул Ш'янт и переступил порог.

Не успел он протянуть руку к записям, как спину пронзила острая боль. Стены вокруг вспыхнули изумрудными охранными знаками. Руки свело судорогой, сердце гулко ухало в груди, рваный ритм отдавался в ушах. Кровь пуль-

сировала, норovia разорвать голову изнутри. Колени подогнулись и Шянт осел на пол, пытаясь унять предательскую дрожь.

Дверь захлопнулась. На ней проступила белая печать Первородной.

Глава 4. Дикая тропа

Май подскочила на кровати, комкая в руках влажные от пота простыни. Она замерла на мгновение и бросила испуганный взгляд на кровать Клаудии. Не хватало только разбудить!

В груди стягивались тугие раскаленные обручи, сжимали сердце, давили до колкой боли под ребрами и мешали дышать.

Перед глазами все еще маячил силуэт матушки, застывшей на крыльце. Она улыбалась.

Улыбалась окровавленным ртом. И стоило только ей повернуться, как солнечные лучи отблескивали на прорвавших кожу позвонках. Исполосованное золотыми узорами тело похрустывало, как раздавленный стакан, а тонкая рука тянулась к Май. Цепкие пальцы нежно огладили горло, чтобы через мгновения пробраться под кожу и задушить рвущийся в небо крик.

Опустив ноги на пол, Май поежилась от холода. За крохотным окошком уже алел рассвет. Кровавое солнце щедро

рассыпало огненные всполохи по земле. Теплые лучи бились о стекло и робко поглаживали взлохмаченные белые волосы и усыпанные веснушками щеки.

Май зевнула и потерла глаза. Не только матушка стала гостем ее ночных видений.

Башня Беренганд всегда маячила где-то там, на границе видимости. Казалось, что стоит резко повернуться – и вот она, перед тобой, но сколько Май не пыталась ухватить ускользающее видение, а оно каждый раз изворачивалось и таяло, точно утренний туман.

Все увиденное невозможно было описать. Слова не ложились на язык, не хотели складываться в единую картину. Возможно, всему виной сам ночной мрак. Май не решилась просить Клаудию оставить в комнате хотя бы одну свечу.

Собственный страх казался чем-то детским и несерьезным. Она не пережила бы насмешливого взгляда, ведь Май выбрали не просто так, и страшиться ночных шорохов и теней было стыдно.

Сны порождали уродов и чудовищ, гоняющих Май по огромному лабиринту.

Сложенные из желтоватого камня стены пестрели подпалинами и дырами, уходящими в никуда, тропинки заросли стеклянной травой, больно впивавшейся в ноги, а над головой бушевало бордовое небо, перекатывая от края до края облака-волны, готовые в любой момент разродиться ледяным дождем.

Оставался неизменным лишь запах, преследовавший Май. Он неотступно кочевал из сна в сон, а кто-то незримый постоянно стоял рядом, за спиной. Дух, едва ли понимающий, что его затащили в головокружительное бегство по чужим кошмарам. Темный силуэт иногда попадался на глаза, но никогда не смотрел на Май. Он лишь скользил рядом зыбкой тенью и укутывал ароматом жимолости.

Запах этот странно успокаивал. Она понимала, что тень ничем не поможет, если крючковатые пальцы очередного ужаса ухватят за лодыжку, но само чувство умиротворенности – единственное, что не позволяло сойти с ума и провалиться в крошечный мрак.

Поднявшись, Май подошла к кувшину с водой и ополоснула лицо. Прокравшись к сумкам Клаудии, она коснулась обернутого в мягкую материю клинка, который женщина принесла вчера на закате.

Сказала, что ручки у Май слишком уж маленькие и тонкие для полноценного оружия, но ни один служитель Первородной не может обойтись лишь словами в своем служении. Иногда приходится применять силу.

Отчаянно хотелось быть крупнее! Чтобы запястья не походили на древесные прутики, чтобы ноги стали сильнее. Но все, что она могла предложить – это острые лопатки, выпирающие ключицы и девчачью слабость.

Это непременно изменится! Я сделаю для этого все возможное.

Будь я сильнее, я бы смогла спасти матушку от проклятой напасти...

Оружие показалось удивительно легким, точно сделанным из стекла. Май без труда держала его одной рукой, рукоять легла в ладонь, как влитая. Аккуратно сняв материю, она с восхищением рассматривала чуть изогнутый клинок, длиной в добрых двадцать семь дюймов. Навершие из отполированной люзовой сферы слабо вспыхивало желтыми искрами.

Май отчаянно хотела взмахнуть чудесным оружием, но руку свело судорогой. Стало страшно и неловко от того, что взяла его без разрешения.

– Отсечешь себе что-нибудь. И что потом делать?

От неожиданности она вздрогнула и выронила меч. Тишину комнаты нарушил жалобный звон.

– Меня радует твоя заинтересованность, – Клаудия откинула цветастое покрывало и медленно поднялась. Бросила взгляд в окно, кивнула каким-то своим мыслям, – сегодня отправляемся. Волки отдохнули, а мы и так задержались. Дорога будет долгой, и я успею обучить тебя кое-каким приемам.

– А вы сами умеете пользоваться клинком?

Глупый вопрос сорвался с языка прежде, чем Май успела его удержать.

Женщина потянулась и сняла с изголовья кровати небольшой мешок.

– Переоденься. Твоя одежда удобна, но совершенно не подходит для работы с оружием, – поднявшись, она пригладдила растрепанные волосы, быстро умылась и направилась к двери. Клаудия спала в одежде, словно в любой момент была готова к бегству, – меня научили сражаться еще в детстве. Так что не сомневайся, дитя. Я умею обращаться с клинком.

Что-то в ее голосе было угрожающее и холодное.

Не удивительно. Крупная, сильная женщина. А серые одежды, приталенные и плотные, точно вторая кожа, делали ее похожей на тень. Ткань не скрывала ни мускулистых рук, ни крепких ног, а нарочно подчеркивала их.

Человек даже не сразу поймет, что его ударило, пока такая вот тень не покажется на глаза. Клаудия вышла, прикрыв за собой дверь, а Май с любопытством заглянула в мешок. Там был точно такой же костюм, как и у наставницы. Возможно, серый цвет и именно такой покрой – отличительные знаки служителей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.